

**Община
Северного леса**

Л. Геллард

18+

Л. Геллард

Община Северного леса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70407199

SelfPub; 2024

Аннотация

Северные волки – эксперимент, вышедший из-под контроля две сотни лет назад. Человеку не удалось подчинить себе этих огромных и свирепых существ. Попытка изучить их не увенчалась успехом – группа ученых погибает. Спустя полтора десятилетия после трагедии, Виктория Райсс, вступившая в Ассоциацию молодых ученых, отправляется с коллегами в экспедицию, чтобы развеять мифы о Северных волках. Но они даже не догадывались, что Северный лес скрывает гораздо больше тайн. Теперь цель не просто выжить, а вернуться домой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	37
Глава 4	57
Глава 5	76
Глава 6	94
Глава 7	114
Глава 8	133

Л. Геллард

Община Северного леса

Глава 1

Северные волки не были легендой, хотя для большинства из нас, жителей Южного города, и носили образ неизвестной, далекой опасности. Настолько далекой, что и не опасности вовсе. Меня зовут Виктория Райсс, и для меня волки настолько реальны и совершенны, что не могу дождаться увидеть хотя бы одного из них в живую. Как в 13 лет заболела ими, увидев старый документальный фильм, так и решила связать с ними свою жизнь. Родители были уверены, что перерасту это увлечение: мы живем на Юге, у нас пляж и океан, а волки – далеко на Севере, но последние 16 лет были посвящены их изучению – сначала было прочитано все, что есть в доступе в библиотеке – дождаться не могла совершеннолетия, чтобы пустили в секцию для взрослых, где была представлена более серьезная и полная информация о военных испытаниях, из-за которых, считается, и мутировали обыкновенные волки в огромных и злобных чудовищ; потом поступление на биологический факультет Главного Университет Южного города, магистратура со специализацией в этологии. И курс ветеринарного дела – для души и спокойствия

родителей.

Три года назад я вошла в экспертную группу Ассоциации молодых ученых, которые не хотели останавливаться на теории, а стремились применять знания на практике и расширять их благодаря настоящей встрече с животными.

Этими великими животными – Северными волками.

15 лет назад экспедиция в Северные земли провалилась, обернулась трагедией – из двадцати человек из леса в Северный город дошли только двое, а домой, в Южный город, не вернулся никто. Чтобы получить разрешение на «поход» нам потребовалось два с половиной года постоянных собраний, тонны предоставленных бумаг и доказательств. При том, что основная подготовка началась сразу после катастрофы. Пусть официально программу и заморозили – фанаты своего дела остались.

От нас требовались не только знания в биологии и этологии, но и прекрасная физическая подготовка – после прохождения Первого поселения, нас ждал только мороз, снег, непроходимый лес. И Северные волки.

– Эй... Вик... почему не спишь? – из мыслей о завтрашнем дне меня вырывает тихий, слегка хриплый ото сна голос Алекса.

Так погрузилась в себя, что взгляд перестал фокусироваться на записях в конспекте, несколько раз моргаю и поворачиваюсь к парню. Ложились мы, конечно, вместе, только так и не смогла уснуть – вернулась за стол и стала вновь

пролистывать книги под светом лампы.

– Прости, свет мешает?.. Не могу уснуть, решила почитать еще... – улыбаюсь, глядя на него – чуть помятого, лохматого, зеленоглазого... Вот бы и я была такой же спокойной, как и он.

На первом же собрании Ассоциации я познакомилась Алексом Митчеллом, который хотя и был младше на три года, но вошел в экспертную группу раньше меня. Очень талантливый этолог, на мой взгляд – гениальный. Тогда я ничего не знала – он стал парнем, который просто уступил мне место на первом ряду, видя по горящему взгляду, что мне необходимо именно оно, а потом просто подставил стул рядом для себя. С тех пор на всех собраниях мы сидели вместе. А вскоре и просто стали – вместе.

– Не знаю никого, кто бы знал о Северных волках больше тебя. Хватит читать, иди сюда, – он откидывает край одеяла, приглашая меня вернуться в кровать. Выключаю свет и охотно ложусь рядом. Парень тут же обнимает меня, и мгновенно чувствую спокойствие, хотя по-прежнему взбудоражена завтрашним днем. Если кто и знает больше меня о Северных волках, так это Алекс. Какое счастье, что он будет рядом в этой экспедиции.

– Отдохни сейчас... эта порода – совсем не то, что мы видели. И то, что мы о них знаем, может сильно отличаться от действительности. Точнее, я уверен, что отличается.

Казалось бы, он говорит о довольно страшных вещах. Но

в нем столько уверенности, что меня они не пугают.

– Думаешь, они продолжили мутировать? – мое сердце бьется быстро, но не от страха, а от предвкушения открытия. Они стали еще больше? Интересно, доходят до двух метров в холке? Еще умнее? И еще злее?

– Скорее всего. Я думаю, все что мы о них знаем – это результат изменений после военных испытаний. И неизвестно, остановился ли процесс в той точке или продолжился, или, может, в силу мутаций у них стало рождаться стерильное потомство, и они вымерли...

Знаю, что такое тоже возможно – Северные волки, как Йети – просто миф, первая экспедиция могла погибнуть из-за тысячи разных причин в снежном лесу.

– Надеюсь, это не так... – не могу скрыть расстройство в голосе, которое возникает от одной мысли об этом. Вся жизнь волку под хвост...

– И я! – Алекс целует меня в макушку и прижимает к себе крепче, – девушка любимая сказала, что выйдет за меня, только когда Северного волка увидит. Если они вымерли – у меня серьезная проблема...

Смущенно улыбаюсь, радуясь, что он не видит моего лица. Когда-то давно Северные земли называли «Канада», вид волков, который был там распространен – койоты. Любимый вид Алекса – слушала я про них давно и много и не сразу отследила, что все последние рассказы парня исключительно о том, что они живут в парах и семьями, в отличие от обычных

волков, которые предпочитают более многочисленные стаи. К предложению оказалась не совсем готова. Моим главным событием в жизни была эта экспедиция в Северный лес, я ею грезила с детства. Альбом, в котором другие девочки собирают вырезки из свадебных журналов, у меня был наполнен картинками волков, рисунками Северных волков, подробностями неудавшейся экспедиции.

– Алекс, я же не так сказала... – мы банально можем не вернуться из своего «путешествия»... не знаю, аргумент это «за» или «против». Какая разница, под какой фамилией умирать, если мы будем делать это вместе? – я люблю тебя.

– И я тебя очень сильно. А завтра мы начнем вершить историю...

В любом случае, умру ли, выйду ли замуж, но перед этим я увижу Северного волка!

Ровно в шесть утра мы слышим звонок в дверь. С улыбкой бегу открывать – знаю, что это Кэтрин, моя лучшая подруга. Только она в шесть утра приносит горячий кофе – у ее родителей своя кофейня, что дает ей преимущества и возможность получать вкуснейший кофе до открытия.

– Доброе утро моей сладкой парочке волков, – мы обнимаемся, приветствуя друг друга. Кэт единственная в нашей группе, кто преследует не научные цели экспедиции. Ее интерес – журналистский. Попасть к нам ей было сложнее всех, тем более практически в обход Ассоциации, но ее писатель-

ская натура, тяга к авантюрам и упрямство не оставили комиссии и шанса. Сначала я думала, розовые очки разобьются на физических тренировках, но Кэт не отступала. Ставила палатку, карабкалась на деревья, разжигала огонь ловко, хотя потом и жаловалась на сломанные ногти. Эта приверженность идее и нежелание сдаваться ни перед чем помогало нам понимать друг другу с полуслова.

Она хотела написать роман про экспедицию и любовь в реалиях походной жизни и была готова терпеть все суровые условия и опасности на себе. А я хотела встретить величайшее создание природы и узнать его тайны, хотя это создание и могло убить меня за три секунды. Такие мы подружки, которым не достаточно спокойной жизни в городе.

Алекс же был ученым до мозга костей – он хотел поймать и изучить Северного волка ради науки и людей. Конечно, объективно говоря, цель благородная и осмысленная, но и самая безумная, по факту. Посмотреть одним глазком, сделать заметки, получить новые данные и оставить животное в своей среде обитания еще куда ни шло, но поймать и довести до Южного города...

И кто из нас больший фантазер? Хорошо, что рядом буду я и еще десяток человек, чтобы помочь.

Так наша сумасшедшая тройца и направилась к главному зданию Института, по пути уговаривая Кэт позвать к нам в машину Марка Джонсона четвертым. Марка я называю "специалист по выживанию в экстремальных условиях". Любовь

к походам ему привили с детства. Когда мы уходили в наши тренировочные лагеря, к нему всегда можно было обратиться за советом или получить помощь. Кажется, в лесу его ничто не способно удивить. Но несмотря на огромное количество историй, которые он накопил за жизнь, болтать он особо не любил, как не любил быть в центре внимания. Эта скромность, мне кажется, и покорила нашу Кэтрин. А еще каштановые кудри и темно-зеленые глаза.

Перед главной площадью Института уже много людей к этому часу. Официально мы попрощались с родителями вчера за ужином, я говорила им, что приходить сегодня не нужно: слишком рано, но Мэг и Мартина Райссов переубедить было сложно, поэтому вижу их почти в центре площади. Упрямство наша семейная черта, я рада, что они сейчас здесь. Потому что теперь, помимо восторга от предстоящей поездки, все-таки чувствую страх.

Эта встреча может быть последней, если быть реалисткой.

Успеваю только кратко обнять родителей, прежде чем нас просят выстроиться для групповой фотографии.

– Я знаю, о чем ты думаешь... – говорит через улыбку Алекс, обнимая меня рукой за плечо и глядя в камеры журналистов. Он, конечно, потрясающе чувствует – меня нервирует количество людей, которое собралось. Достаточно было бы родных и близких, согласна еще на двух фотографов из газет, так здесь же еще зеваки... Странно, мне должно было быть приятно, что общественность волнуется наша экспе-

диция, но мне скорее неловко.

– Ту группу тоже так фотографировали, – старательно улыбаюсь, чтобы выглядеть на фото красиво и естественно, ведь... – и это были их последние фотографии, – как ни крути, каждый волей не волей сравнивал нас с пропавшей экспедицией. На лицах читались вопросы: "Кто из них вернется?" "В каком состоянии они вернуться?" "Сейчас Северные волки, а потом – Йети?"

Кто-то сможет рассказывать истории своим детям, как провожал группу сумасшедших ученых.

– Неправда, они наверняка делали разные фото по пути как все обычные люди, – спокойствие Алекса – его козырь. Точнее, умение держать лицо. Я также его отлично чувствую – он тоже волнуется. Смотрю на него, наплевав на окружающих фотографов, и парень поворачивает свое лицо ко мне, – обязуюсь фотографировать тебя по пути, пока ты спишь и пускаешь слюни на подушку.

– Я не пускаю слюни! Что за клише, – не выдержав, фыркаю и улыбаюсь, и, похоже, это первые кадры, когда моя улыбка искренняя и даже счастливая.

Через 5 минут вокруг нас остаются только семьи – Мэг и Мартин Райсс, родители Алекса – Моника и Джон Митчелл. Мистер Митчелл наказывает сыну заботиться обо мне, и это правда выглядит очень мило. Мой отец говорит парню тоже самое. Матери просто желают нам быстрее вернуться – в целости и сохранности. Думаю, они надеются, что экспедиция

развернется обратно на полпути.

В тот момент, когда слышится ворчание на предмет того, что все люди как люди женятся и живут счастливо, а мы мчимся на Север, чтобы нас живьем съели, Кэт зовет меня по имени и машет в сторону профессора Холл. Мысленно благодарю ее.

Время споров прошло давно. У родителей была надежда, что я встречу мужчину, который привяжет меня к Южному городу, мне станут не нужны эти Северные волки. Но я встретила Алекса Митчелла, который поддерживал меня во всем, верил в меня сильнее, чем я сама, и был одержим опасными существами так же как и я. Наверное, ему в пару аналогично хотели девушку домашнюю и спокойную, которая бы тихо ждала его дома с едой и уютом, а не Викторию Райсс, которая соревновалась с ним кто быстрее и выше заберется на дерево. Мы вместе занимались, тренировали свою ловкость и силу – от этого в будущем зависели наши жизни, которые мы планировали соединить после возвращения из Северных земель. В конце концов обе стороны все осознали, приняли – смирились.

Обнимаю родителей крепко, целую в щеки напоследок. Обещаю выйти на связь, когда мы будем в Северном городе. А затем, когда вернемся из лагеря у озера Бивер. У меня нет уверенности, что мы даже доберемся до лагеря, но в глаза матери смотрю спокойно и уверенно.

– Через пять дней мы в Северном городе, два дня на под-

готовку и выходим в лагерь. Через семь дней обратно – с результатами или без них. Все будет хорошо! Люблю вас!

Мы отходим к нашей группе, однако вижу, что родители не спешат домой. Наверное, будут смотреть до последнего, пока наша небольшая автоколонна не скроется за поворотом. Переключаю внимание на свою команду – 12 специалистов, включая меня. Три машины по четыре человека.

От нашей сплоченности, согласованности действий зависит успех операции и возвращение домой. Хорошо, что мы давно друг друга знаем, провели много времени вместе и сюрпризы каждого уже давно не являются таковыми.

Мой взгляд останавливается на Эмили Холл, невысокой женщине чуть за 50 лет, спортивной брюнетке с голубыми глазами. Волосы у нее красивые и блестящие, можно заметить серебряные пряди, которые ее не старят, а добавляют шарма на мой взгляд. Профессор Холл биолог и руководитель нашей экспедиции. Она остается спокойной в любых ситуациях, всегда держит себя в руках, строга, но справедлива. Эмилия Холл не присоединилась к первой экспедиции 15 лет назад только лишь потому, что за несколько дней до отправления сломала ногу. Не могу представить, чтобы она когда-либо плакала, однако предположу, что именно в тот день ее было не остановить. Лично я бы с ума сошла, если бы сейчас мне пришлось наблюдать со стороны, как все мои коллеги и друзья садятся по машинам и уезжают... даже с учетом того, как все закончилось тогда, много лет назад...

Беру Алекса за руку, переплетая наши пальцы. Свободной рукой за рукав притягиваю к себе Кэтрин, чтобы встала поближе. Отвергаю мысль и возможность поехать без них, как и жуткий сценарий, что они едут в Северные земли, оставив меня в городе.

– Послушайте, – профессор Холл берет слово, прежде чем мы отправимся, – 15 лет назад на этом же месте стояли молодые ученые, исследователи. Они так же как и вы были уверены в своих силах и знаниях и хотели сделать множество открытий. Все мы помним, чем закончился их поход. Вы подготовлены лучше, но не думайте, что лучше них. На Северной земле нас ждет неизвестность. Будьте спокойны, уверены и серьезны. Оберегайте друг друга. Мы безумно ждали этого дня, заслуга каждого из вас, что экспедиция состоится и начнется через считанные секунды. Но отныне я хочу, чтобы у вас было только одно безумное желание – вернуться домой в том же составе, – она обводит взглядом каждого из нас. В момент, когда смотрю несколько секунд в ее голубые глаза, чувствую уверенность, азарт, энергию и единство с лучшими людьми этого города, – По машинам.

Мы все улыбаемся, киваем друг другу. Последние объятия с родными, взмахи руками, воздушные поцелуи. Теперь готовы оставить Южный город, хотим этого горячо, сильно.

В первую машину садится профессор Холл, Джеймс Навелс, Линда Паркер и Майкл Рейнс. Джеймс и Линда уже были в Ассоциации, когда к ним присоединилась я. Можно

сказать, что они с Эмилией Холл стояли у истоков нашей группы. 15 лет назад Джеймс и Линда были слишком молоды, чтобы присоединиться к походу, но все эти годы работали, чтобы сегодняшней день стал возможным. Если, условно, Эмилию можно назвать главой нашей группы, то Линда строгая мать, а Джеймс веселый папа. Он держит на контроле все организационные моменты, но умудряется не быть занудным, хотя дотошность, любовь к мелочам его базовые характеристики.

Майкл Рейнс – сын Эмили – никогда не афишировал свои связи, возможно именно поэтому и носит другую фамилию, обладает аналитическим умом, сильным научным чутьем. Смело строит гипотезы и не менее смело их проверяет. Мне очень нравилось, что профессор Холл не выделяла его среди нас, относилась как к коллеге и часто прислушивалась к мнению, доверяя не только разуму, но и интуиции сына. На самом деле у него есть младшая сестра Клара, которая, конечно, хотела отправиться с нами, но ей всего четырнадцать лет. Когда осознали, что про отца Клары тоже ничего неизвестно, мы с Кэт переглянулись, отмечая, что профессор Холл полна сюрпризов, но никогда не обсуждали это вслух.

Вторую машину заняли близнецы Смит – Томас и Анна. Мы с ними учились на одном факультете, но в разных группах. Признаться, не общалась с ними, пока не встретила на отборочных в Ассоциацию. Тогда стало понятно, у нас есть

общие не только интересы, но и цель. Томас – тихий и наблюдательный, Анна – более деятельная. Они всегда заботились друг о друге, и никогда не расставались – немного нездорово, возможно, но положиться на них можно было на все сто процентов. По началу их манера продолжать друг за друга фразы раздражала – будто двое взрослых объясняют тебе одну мысль, до которой ты не можешь додуматься сам. Но спустя время, когда начинаешь понимать, что близнецы Смит – это один гениальный человек, мозг которого Боженка разделил на двоих людей, все становится спокойно и ясно. Seriously, если бы один человек обладал таким умом, как Томас и Анна на двоих, у человечества были бы проблемы не только с Северными волками. Обычно в фильмах так появляется крутой антагонист у супергероя, который хочет поработить планету.

К Смитам присоединилась Ханна Мур – яркая и энергичная, она биолог, обожает изучать поведение животных. Ханна легко находит общий язык с командой и всегда поднимает нам настроение. Наверное, тихим близнецам с ней будет не просто, но зато точно не скучно. Мы не называли ее Солнышком, скорее Солнечным зайчиком. Должна признаться, ее глубокий медный оттенок волос вызывал легкое чувство зависти и заставлял подумывать об окрашивании.

Четвертый в этой компании – Питер Грин – этолог с феноменальным чутьем, мне кажется, он понимает вообще любых животных. Ему легче находить общий язык с дикой при-

родой, поэтому в этом противостоянии экстравертов и интровертов, Ханна будет в меньшинстве, но не думаю, что ей это сильно помешает. Питер очень добрый, немного застенчивый. Глядя на него, сразу проникаешься к нему симпатией. Когда он уходит, предпочитая общество лабораторных животных, ты остаешься с легкой грустью, как будто в гостях кот решил лежать не на твоих коленях, а на других.

Марк Джонсон занимает место водителя в машине со мной, Алексом и Кэтрин. Разумеется наша писательница и не думает занять место сзади. Я совсем не против – смогу поспать на пассажирском сидении на плече моего парня. Сомнений было мало, что план подружки не сработает, но я все равно под впечатлением – с нами действительно едет Марк, не Майкл. Несмотря на замечательные отношения, Рейнсу наверняка хотелось отдохнуть от присутствия матери хотя бы в дороге. Тем более с Алексом они большие друзья. Но, видимо, у Кэтрин были какие-то свои рычаги воздействия на профессорского сына.

– Мне жаль, что ты поссорилась с Майклом, – произносит Марк, заводя машину. Я машу рукой через окно родителям и не сразу понимаю, что через зеркало заднего вида он смотрит на меня!

– Надеюсь, за время дороги вы помиритесь. Лес – не место для обид...

– А... да... какие обиды? Так, глупости... – Кэт смотрит на меня карими большими глазами и хлопает густыми рес-

ницами, до меня сразу доходит, какие аргументы она использовала, – Спасибо, Кэт. Это все несерьезно, но с Майклом было бы неловко ехать в одной машине столько времени. И тебе Марк! Обещаю, мы будем не худшими попутчиками.

Марк улыбается и кивает – здорово, что на него можно положиться даже в такой выдуманной ситуации. Очень на руку, что он тактичный и не выспрашивает подробности – я не такая отличная фантазерка, как Кэт.

– Пустяки! Ты же знаешь, я ради тебя – на всё, – подмигнув мне, подруга поворачивается к водителю и заводит беседу с ним. Какая была бы драма, если влюбленного в нее Майкла Кэтрин просит поменяться местами с Марком...

Алекс едва сдерживает улыбку. Ему-то известно, что у нас прекрасные отношения с Рейнсом и в целом нет причин для ссор. Наверное, и ему хотелось бы ехать с другом, но он никакого недовольства не показывает, просто тихо посмеивается над изобретательностью моей подруги, Кэтрин Торрес, жгучей брюнеткой, которая была романтическая, женственная, бывало витала в облаках, но никогда не путала фантазии с реальностью. Разве что только иногда.

Ради тебя – на всё.

Сокровенная фраза, которая сначала прозвучала между мной и Кэтрин, еще в самом детстве. Она стала символом нашей дружбы и любви. Потом прозвучала от меня для Алекса как признание в любви. Он сразу все понял и сказал то же в ответ.

Когда машина трогается с места, у меня подскакивает сердце. Чувствую волнение, смешанное с радостью и страхом.

Алекс выглядит слегка задумчивым, умиротворенным, только глаза блестят азартно. Думаю, именно этот огонь в глазах и привлек меня. С какой энергией он делился своими целями и планами! И с какой убежденностью говорил, что мы должны быть вместе, а то, что он младше просто ерунда, по сравнению с будущим, которое нас ждет. Устоять было невозможно.

Последний взгляд в окно на родителей, взмах рукой, и мы сворачиваем на другую улицу, следуя за двумя машинами впереди. Раздается сначала шипение радики, а потом мы слышим голос Джеймса. Он напоминает нам план поездки, уделяя большее внимание сегодняшнему дню и распорядку – когда остановка для отдыха, по какому шоссе ехать, что на заправках лучше не есть, какие коды для экстренных ситуаций, что если сбивается навигатор (а он будет работать тем хуже, чем ближе мы к Северным землям), лучше использовать карту и так далее, и так далее.

Слушаю краем уха наставления, глядя в окно на улицы города, такого родного и любимого. Мимо проносились дома, магазины и кафе, я видела улыбающиеся лица горожан, которые и не думали ни о каких Северных волках или походных приключениях. Спокойная жизнь, свои радости и цели, теплое солнце, ласковый океан. А мне не терпелось увидеть

снег и горы. Город был уютным, безопасным, но меня влекла свобода и неизвестность.

Эта поездка изменит нас, а Южный город останется таким же как и раньше.

Интересно, какой я вернусь сюда?

Вернусь ли я?

Глава 2

Первая остановка спустя четыре часа. Джеймс строго следил за графиком и за превышением нормы нахождения за рулем – для мужчин она составляла четыре часа, для женщин – три.

Бессонная ночь дала о себе знать – стоило отъехать от Южного города, я сразу уснула под мерный щебет Кэт.

Просыпаюсь, когда машина останавливается – крайне маленькое поселение, буквально на несколько домов, под названием Сэдджвилль. Мы останавливались здесь же по пути к «тренировочным лесам» как мы их назвали. Краткие походы, которые должны были подготовить нас к Северным землям и жизни на природе.

Мне снился сон, который был со мной лет с пятнадцати. Я видела Северный лес с высоты птичьего полета – много снега, искрящегося на солнце, хвойных деревьев глубокого зеленого цвета. Среди сугробов вижу волчьи следы – сейчас я уже на земле и иду по цепочке следов, хотя скорее бегу. Кажется я легче, чем в действительности, удаётся бежать и не проваливаться в сугробы, бегу легко, сердце радостно подпрыгивает. Предчувствую близкую встречу. Рядом со мной появляется волк, мы бежим рядом, синхронно – тут я понимаю, что и сама уже не человек, я – волк.

– Ты поскуливала. Снова тот сон? – не раз рассказывала

Алексу о нем как о самом лучшем – чувствовала радость и свободу в нем. Лежу на коленях у парня, он перебирает мои волосы и смотрит с теплой улыбкой, без которой я жить не смогу.

– Прямо поскуливала? – ловлю его руку и прислоняю к своей щеке, потом к губам.

– Потягивала... Как лисичка.

Догадываюсь, что Кэтрин и Марк вышли пройтись. Алекс остался, чтобы не будить меня... Выпрямляюсь и зеваю, прикрыв рот рукой, наверное, я ужасно растрепанная. Митчелл продолжает смотреть.

– Что?.. – невольно улыбаюсь в ответ.

– Ты сонная такая милая. Умираю, – пока пересобираю свой сбившийся хвост, он пододвигается ко мне поближе. Наклоняюсь к нему навстречу, пока наши губы не встречаются. Знаю, что в экспедиции будут редки минуты уединения – как сейчас. Оставляю хвост незаконченным и обнимаю его за шею, притягиваю к себе еще ближе. Мы единственная официальная пара в нашей группе – я говорю официальная, потому что Джеймс и Линда скрываются, хотя ни для кого не секрет их роман, который вспыхнул с полгода назад. И так как мы единственные, никто не собирался для нас делать исключение – 6 девочек, 6 мальчиков, поэтому и в комнатах на ночевку нас определили: Кэтрин и я, Эмилия и Линда, Анна и Ханна, Майкл и Алекс, Марк и Томас, Джейм и Питер. Одного брошенного взгляда на Торрес было достаточно, чтобы

она сразу поняла, приняла – и сама предложила тайком поменяться местами с Алексом в его комнате с Майклом.

"Ради тебя – на все." – сказала она, кивнув своей гениальной головой. Ей было приятно поспособствовать нашей любви. До сих пор помню, как она лупила меня подушкой, когда узнала, что Алекс не услышал твердое и радостное "да" на свое предложение о женитьбе.

Растворяюсь в поцелуях, наслаждаясь, но отдавая себе отчет, с сожалением, что это максимум, который нам светит до вечера, поэтому слишком сильно не распалюсь. Оторваться от любимых губ заставляет неожиданный стук в стекло.

– Вы бы хоть размялись. Митч, ты следующий за руль, – разумеется Навелс следит за порядком и стоит у нашей машины, пока мы оба не выходим.

Потягиваюсь, выпрямляюсь, расправляю плечи и слышу легкий хруст собственного позвоночника. Солнце сейчас в зените, мы еще, относительно, рядом с домом, поэтому все в футболках, майках и шортах, а Анна в легком платье. На самом деле умно – послезавтра придет пора действительно теплой одежды, а платье ничего не весит в походном рюкзаке.

По нашему расписанию у нас есть еще 15 минут, чтобы пройтись, перекинуться парой слов с другими членами нашей группы, зайти в туалет.

– Я чувствую жуткую несправедливость, – заявляет нам Рейнс. Кажется, он все-таки не очень доволен тем, что в по-

следний момент пришлось сменить "экипаж", – в нашем путешествии единственный симпатичный парень – я. Но с девушкой поехал ты, – он показывает рукой на Алекса, который улыбается и держит меня за руку. Не смотря на сказанное, в словах Майкла нет злости, – а когда уже было решил, что Кэтрин обратила на меня взор своих прекрасных глаз – меня отправили в машину к матери. И ради кого? Ради Марка? Груда мышц...

– Сексапильная груда мышц, – к нашей компании присоединяется Торрес. Не могу не отметить ее приподнятое настроение. Похоже, страдания этого кареглазого брюнета ее совсем не волнуют. Бедный Майкл.

– Еще у него приятный характер, а у тебя – невыносимый, – продолжает наша писательница. Думаю, в ее голове много эпитетов, чтобы описать Рейнса.

– Если бы ты согласилась на свидание, то смогла бы оценить по-настоящему...

– То, что твой лучший друг встречается с моей лучшей подругой, они живут вместе и скоро поженятся, еще не значит, что мы с тобой должны совпадать по всем параметрам, – Кэт его перебивает, говорит таким безапелляционным тоном и такую длинную речь, будто не раз отрепетированную, что меня это немного настораживает. Не желая продолжать разговор, Торрес удаляется к машине. Любопытное поведение. Очень любопытное.

– Такая красивая, и такая несговорчивая... По крайней

мере сегодня ночью мы будем в одной комнате. Буду храпеть изо всех сил. Изо всех своих легких.

Переглядываюсь с Алексом, тот только неопределенно двигает бровью. Похоже, он согласен со мной, тут что-то не чисто. Как будто наши лучшие друзья что-то от нас скрывают. Интрижку? Первое предположение, которое лежит на поверхности. Чуть сжимаю руку Митчелла, подавая сигнал, чтобы узнал все, что возможно за пять минут, и оставляю друзей наедине.

Туалет на заправке так себе из-за времени, но довольно чистый. Людей путешествует мало – это дорогое удовольствие. Есть возможность умыться, посмотреть на себя в зеркало – хвост, конечно, я собрала с «петухами». Пересобираю волосы в небрежный, но симпатичный, пучок и остаюсь довольна. После сна в машине вид у меня еще помятый, но отражение даже при этом свете, в этом пыльном зеркале мне нравится. Мои глаза горят, на щеках румянец – я счастлива. Чувство правда, будто влюблена – хочется обнять весь мир и, в особенности, Северного волка. Интересно, как пахнет его мех?

В нашей машине уже ребята пересели. Марк занял место рядом с водителем, за рулем мой Алекс. Позади него села Кэт, и только я буду сидеть там же, где и сидела в первой части пути.

– Я видел, вы разговаривали на остановке, удалось помириться? – кудрявый предмет симпатии моей подруги такой

внимательный и неравнодушный, что мне становится неловко за обман.

– Вроде... Характер у Майкла несладкий, просто иногда его... слишком много, – теперь мне еще и перед Майклом стыдно. Может, я и не вру на его счет, но в данный момент он таких слов не заслужил.

– Что вы думаете насчет слов профессора Холл? – через некоторое время тишины затеваю разговор. Меня волнуют некоторые мысли, не знаю, права я или нет, – что мы так хотели отправиться в экспедицию, а теперь нужно думать о возвращении...

– Думаю, она имела в виду, что не надо лезть в пасть волка с целью пересчитать ему зубы, рискуя своей жизнью, – отвечает Алекс, зная, какие мысли роятся в моей голове. Между вернуться и не познакомиться с волком и не вернуться совсем, но столкнуться с ним нос к носу, я выберу второе...

Не страшно не вернуться из этого похода, страшно не достигнуть своей цели.

– Согласен. Наука наукой, волки волками, но жизнь одна, – отзывается Марк, – моя девушка сказала, что если я вздумаю пропасть без вести, она найдет меня и изобьет до полусмерти. Ну, или в печальном сценарии – воскресит и убьет лично, – он смеется, а я смотрю на Кэтрин. Кажется, никто из нас не знал, что парень не свободен, и для нее это самый неприятный сюрприз. Вроде подруга не собирается расплакаться, только замечаю, как у нее краснеют щеки. Бе-

ру ее за руку и несильно сжимаю, она же пожимает мои пальцы в ответ – все нормально.

– Не знал, что у тебя есть девушка, – Митчелл удивлен не меньше меня, – давно вместе?

– Пару месяцев. Не думал, что все серьезно, пока не настал день отъезда. Софи так плакала, у меня сердце чуть не разорвалось – начиталась статистики, сколько людей из Северного города пропадает или погибает в лесах в течение года.

Когда мы разговаривали с Алексом, гипотетически предполагая, только одного из нас возьмут в экспедицию – что мы будем делать? Был план – не вставать на пути у другого. Это мы определили сразу. Я бы помогала подготовиться ему, он бы тренировал меня. Это не стало бы камнем преткновения для нашей пары.

– Хм... думаю, я стану на чуточку-чуточку-чуточку любить тебя меньше. А если ты увидишь волка и умрешь от его зубов – никогда тебя не прощу, – сказала тогда именно эти слова, в глубине души понимая, что моя мечта разобьется вдребезги в случае, если меня не запишут в главный состав, буду вспоминать это как факт, сломавший мою жизнь. А то, что любовь всей моей жизни пропадает в лесах... Алекс тогда поцеловал меня и убежденно сказал, что мы будем избавлены от такого сценария, потому что отправимся в экспедицию вместе. Что-то тогда мелькнуло в его глазах – боюсь, очередной раз прочел мои мысли и знал, что, увы, у меня он

по-прежнему занимает второе место, после волков.

Однажды, когда ругались, он сказал, что на первом месте должна быть моя жизнь, а он, ладно, согласен на третье. В первый и последний раз мы повысили голос друг на друга.

Я ничего не могла с этим поделать.

Первое – Северные волки.

Второе – Алекс Митчелл.

Третье – Виктория Райсс.

– Я вообще собираюсь смотреть на все со стороны, – из мыслей и воспоминаний меня вырывает голос Торрес, – заберусь на дерево, обоснуюсь и буду писать.

– У тебя уже есть сюжет? – улыбаюсь, жалея, что завела эту тему: Алекс так и поглядывает на меня в зеркало дальнего вида; поэтому с радостью переключаюсь на разговор о будущем шедевре Кэтрин.

– Да, есть основа, канва. Главная героиня – зеленоглазая блондинка, спортивного телосложения. Ее парень, зеленоглазый шатен, чуть худощавый, но сильный, такой... жилистый, – улыбаюсь теперь, ловя взгляд своего парня, Кэт решила явно описать нас, – думаю, надо начать с пути, когда все хорошо и сладко, обязательно секс-сцена, в лесу будет не до того, а к концу один ломает ногу, а второй его несет на спине или тащит по сугробам. Я еще не решила, кто это будет.

– Ну, Алекс меня дольше сможет тащить, чем я его. Тебе как нужно для сюжета? – разрешаю ей вершить судьбу "вы-

думанной меня" как только ей не заблагодарассудится.

Марк спрашивает, будет ли в будущей книге он? Мне кажется, да, будет. И умрет одним из первых и как-то глупо. Досадно, что симпатия Кэт не найдет взаимности, зато более эмоциональный сюжет обеспечен.

Мы вообще много времени проводили вчетвером, как парочка, Вик и Алекс, и два их лучших друга, которым вполне естественно было бы сблизиться. Могли мы быть так поглощены друг другом, что не заметили чувств между Майклом и Кэтрин?

Сюжет, рассказанный Торрес, наталкивает меня на мысль о возможных травмах. В нашем случае, самым главным фактором выживания является ловкость. Специальные клаймберы и кошки на обуви помогают быстрее забираться на деревья – где ты будешь недоступен для острых зубов большого и свирепого волка из страшной сказки. Но если случится травма – руки или ноги, – то ты обречен. У тебя просто нет шансов, нет никаких вариантов. Бежать бесполезно. Если что-то ломать, то лучше сразу шею, чтобы мгновенная смерть.

Остаток пути до ночной остановки проходит спокойно. Мы комфортно молчим, иногда кто-то что-то скажет, в какой-то момент ребята стали играть, высматривая собак на обочинах, но очень скоро мы проехали населенные пункты, и в машине установилась тишина. Я же просто ехала, погруженная в свои мысли.

Когда заходит солнце, опускается темнота, мы как раз заезжаем на парковку гостиницы. Джеймс Навелс – гений планирования, так точно рассчитать время и скорость нашего передвижения мог только он.

– Выгружаемся, дорогие, – люблю, когда Алекс за рулем. Я вообще его люблю, что бы он ни делал. А сейчас еще и ночь проведем вместе... Некоторые нам удивляются, как мы можем работать вместе, жить вместе и постоянно разговаривать? Как нам не скучно, если знаем друг друга от и до?

А я не знаю. Он самый интересный человек на свете – как он думает? Что он думает? У нас всегда есть темы для обсуждений, ведь всегда что-то происходит вокруг.

Пока Кэтрин, более холодная к парню, чем с утра, и Марк идут в гостиницу, а Митчелл достает нашу сумку одну на двоих из багажника, обнимаю его за талию.

– Знаешь, я люблю ребят, но так хочу лежать с тобой в обнимку наедине, – он улыбается и целует меня. Я чувствую столько любви и тепла, потому что все это взаимно.

– Мне кажется, я был с тобой не откровенен, – с любопытством вздергиваю бровь, – Софи плакала, когда отпускала Марка, я сказал, что поддержал бы тебя, если бы ты одна прошла в экспедицию. Но на самом деле, я бы не смог отпустить тебя. Я бы ехал в багажнике, – смотрю ему в глаза и понимаю, что он очень серьезен.

– Я не представляю жизни без тебя, Райсс, – читаю в его глазах, что все те "правильные иерархии", о которых он го-

ворил, в которых на первом месте собственная безопасность, для него не актуальны. Там я, потом наука и Северные волки, потом он.

– Ты – лучшее в этой экспедиции. Мы пройдем ее вместе и потом так будет всегда, – он мой на сто процентов. Мой партнер, мой любовник, мой мужчина, мой койот. Чувствую, что предстоящая опасность сделает нас еще сильнее, еще ближе.

– Ты просто еще не видела настоящего Северного волка, – Митчелл улыбается и целует меня, смиряясь с моим мировоззрением, принимая его. Он идет под пунктом номер два. Возможно, я действительно люблю его меньше этих неизведанных зверей, но я люблю его больше собственной жизни – разве этого мало?

– Хочу тебя безумно... – наши поцелуи становятся жаркими, объятия крепче. Сейчас мы останемся вдвоем и у нас будет потрясающий секс, как перед концом света. Взявшись за руки, мы заходим в холл гостиницы. Честно, мои мысли заняты только предстоящим планом сорвать с Алекса одежду, предвкушением, как его горячее тело прижмется к моему, поэтому не сразу понимаю, почему вся наша команда стоит внизу и возмущается.

– Джеймс! Как так?! Даже не шесть? – Возмущенный голос Кэт заставляет меня нехотя подключиться в эту реальность, где я не со своим парнем наедине и обнаженная.

– Во-первых, бензин был очень дорогой, поэтому как я мог не воспользоваться шансом? Во-вторых, мы будем все

вместе в лесу, так почему не начать привыкать друг другу в одной комнате? – взяв ключ, наш главный организатор группы, идет в комнату.

Уже понимаю, что произошло, и с тоской заглядываю через проход внутрь – 12 одноместных кроватей. Это хостел с одним душем на этаж. Надеюсь, Майкл не исполнит свое обещание, и не будет храпеть "изо всех своих легких", пощадит.

– У нас нет денег на отдельный номер? – тихо спрашиваю Алекса, хмуря брови, уже зная, какой будет ответ. Алекс тоже раздосадован, качает головой:

– Мы потратились на электрошокеры, батарейки... И завтра нас будут ненавидеть, если так оторвемся от коллектива... – пока все еще не хочу заходить в комнату, Митчелл делает легкие и быстрые шаги, опережая Анну и Томаса, занимает две кровати рядом у дальней стены.

Спустя два часа – Навелс опять-таки следит за режимом, мы все лежим по кроватям. Пока я с девочками была в душе, Алекс сделал легкую перестановку, убрав тумбочку между нашими кроватями. Знает, что не усну без него – слишком привыкла. Конечно, секс может только сниться в данной ситуации, но по крайней мере парень физически будет рядом.

Мы лежим лицом друг к другу, держимся за руки, смотрим друг другу в глаза. Джеймс сделал нам несколько замечаний за "громкий" шепот, поэтому остается только улыбаться и молчать, используя телепатическую связь между на-

ми. Двигаюсь чуть ближе к краю кровати и целую Алекса. Он мягко отвечает, затем чувствую его губы на подбородке, щеках, глазах, брови. Такие тихие, нежные. Проклинаю Джеймса за то, что снял одну комнату на 12 человек.

Просыпаюсь и чувствую объятия Алекса – за ночь все-таки переползла к нему на кровать. Нам тесновато на маленькой площади, рассчитанной на одного человека, но мне уютно и тепло. От этого тяжелее вставать на пробежку.

Правда в том, что может я и спортивная с виду, но чтобы быть в форме, мне необходимо постоянно ее поддерживать. Просто постоянно. Спорт как средство выживания – я назвала это так. И следовала этой мантре каждое утро. Пробежка, пресс, приседания, прыжки из приседа... Золотое правило утра.

Дополнительный плюс я находила в возможности побыть наедине с собой. Это успокаивало, освобождало разум, помогало понять, что важно и нет. Своего рода медитация.

Когда я только начинаю, Марк уже наворачивает круг третий, мне так кажется – сужу по мокрому пятну у него на груди. Кивает и улыбается мне. В Южном городе мы частенько пересекались в парке. Джонсон периодически проводил тренировки для нас всех. Хорошая физическая подготовка – залог не только хорошего самочувствия, но и отличный ресурс для выживания в лесу.

Когда, закончив, с разминкой, я делаю пресс, вижу, как, один за одним – Анна, Томас, Кэтрин, Питер, Джеймс, Лин-

да, Эмилия Холл – выходят, зевают, потягиваются и начинают бежать, каждый в своем темпе. Алекс, Кэтрин, Майкл – мои самые любимые люди, появляются последними. Помаханув мне руками, отправив воздушные поцелуи, отправляются на свою утреннюю тренировку.

Во мне растет уверенность, что мы со всем справимся. Иначе быть не может.

После спорта, совместного завтрака, мы готовы продолжать наш путь. Алекс предлагает заменить меня в роли водителя, но я отказываюсь – отлично себя чувствую во всех смыслах, так что нет причин пропускать свою очередь за рулем.

За завтраком у Марка и Джеймса вспыхивает спор, хотя, даже не спор, а дискуссия, которая не заканчивается ко времени отъезда, поэтому он меняется машинами с Майклом, чтобы продолжить разговор по пути.

После новости о Софи, Кэт ничего не имеет против и, кажется, даже не расстроена. Конечно, теперь они могут препираться с Рейнсом и соревноваться в остроловии всю дорогу, до самого Северного города, до самого Северного леса.

– На самом деле я знал, что у нас будет комната на 12 человек, – признается Рейнс, когда моя Торрес жалуется на храп, неожиданно, Томаса.

– Джеймс почти весь день рассказывал, какой он молодец и сколько денег сэкономил для нашей поездки. На которые, кстати, он купил побольше вяленого мяса.

Все мы соглашаемся, что еда в лесу, особенно мясо, для нас важнее одной комфортабельной ночи в отеле. С собой каждый должен иметь запас на два дня минимум – если волк загонит на дерево, кто знает, сколько придется сидеть наверху? Насколько они терпеливые?

– Кого мы еще можем встретить, кроме Северных волков? – Кэтрин делает пометки в своем блокноте, что мне кажется очаровательным. Майкл с удовольствием просвещает ее, что должны быть зайцы, олени, кабаны. Хотя очень многих истребляют волки в своей охоте, чем-то им приходится питаться, иначе бы мы слышали о более частых случаях нападения волков на людей Северного города. Голод погнал бы их из леса на поиски пищи к людям. Интересно, если их популяция достаточно вырастет, она дойдет до юга? Задаюсь вопросом, размышляя, насколько наш климат им подошел бы? Скорее всего, им было бы невыносимо жарко. Скорей бы оценить густоту меха.

– Почему-то кабаны пугают меня сильнее волков, – разговор переключается на вепрей, и я перестаю слушать. Никого опаснее волков в лесу нет, они короли.

Нравится наблюдать, как меняется пейзаж за окном. Чем дальше на север, тем меньше зеленых красок, меняются цвета, другие деревья. Воздух становится прохладнее, свежее.

– Любовь моя, достань, пожалуйста, кофту из рюкзака, – прошу, когда становится холодно. Алекс едва успевает открыть рот, как Кэтрин передает мне спортивную кофту на

молнии с длинным рукавом.

– Держи, лапушка, – голос Кэт звучит обыденно. Мой парень смеется и сообщает, что иногда чувствует себя лишним в наших тройственных отношениях, что довольно смешно.

– Не трио! Квартет! – встревает Майкл, наклоняется вперед и кладет руку на плечо Митчелла, – ты моя любовь!

– А ты моя, – зеленоглазый поворачивает голову и целует воздух в направлении лучшего друга. Смеюсь и отрицательно качаю головой. Прошу своего койота придержать руль, пока надеваю кофту.

– Не устала, мой волк? Можем поменяться, – снова предлагает Алекс, пока держит руль. Я отказываюсь. Мне нравится быть водителем, пока мои друзья болтают, веселятся. Еще немного и Кэт затеет петь – обычно, у них с Рейнсом выходит отличный дуэт.

Глава 3

Северный город встречает нас снегопадом и минусовой температурой – мы все облачились в свитера, зимние костюмы, куртки с капюшоном. Жители смотрят на нас с любопытством – не каждый день к ним приезжает группа ученых с Юга. Хотя, уверена, только единицы знают о цели нашей поездки, скорее всего их просто интересуют новые лица.

– Группа! Друзья, – Джеймс требует нашего внимания, когда мы уже получили ключи от наших комнат. На этот раз у нас шесть номеров, так что никаких сюрпризов.

Навелс объявляет, что мы совершенно свободны до завтрашнего дня. Нам предлагается, разумеется, погулять по городу, посмотреть достопримечательности, вести себя благо-разумно и, по возможности, соблюдать режим сна.

– Завтра в это же время жду вас в холле отеля. До того времени – я доступен только в случае ЧП, – наш "папочка" улыбается, и мы уже собираемся разойтись, но Линда дополнительно напоминает, как нужно быть аккуратными на улицах города, и в ночи лучше не гулять.

Алекс идет впереди с ключом, ища нужную комнату. Внешне абсолютно спокоен, но я вижу, что он торопится, могу это понять по мелким маркерам в его движениях. Это очень забавно и мило... Забавно настолько, что не могу сдерживать смех, когда парень не дает мне сделать лишнего шага

в комнате, а прижимает к стене, стоит двери захлопнуться. А еще я смеюсь, потому что счастлива. Мы целуемся, синхронно сбрасываем куртки у двери, чтобы быстрее обняться, почувствовать друг друга ближе.

Он поднимает меня на руки, подхватывая за ягодицы – сразу обвиваю его талию ногами. Люблю, когда он держит меня в своих руках, такой сильный, уверенный, страстный... Делает шаг назад, все так же со мной на руках, и чуть запинаясь о дорожную сумку. Мы оба приваливаемся к ближайшей стене в коридоре, благодаря чему удерживаем равновесие, и тихо смеемся.

– Не ударилась? – шепотом спрашивает Алекс. Дыхание у него чуть сбито.

– Все хорошо, – рассматриваю его лицо так близко, глажу по щеке. Хочется сказать как он тогда в машине: "Умираю" – от нежности, любви, желания... Опускаю ноги и оказываюсь на полу. Конечно, дома на нас всегда меньше одежды, Северным людям в этом отношении нужно быть чуть более терпеливыми. Скидываю ботинки, Митчелл следует моему примеру. Не желая медлить, стаскиваю через голову свитер и слышу треск статического электричества. Алекс улыбается и приглаживает мои наэлектризовавшиеся волосы. Берусь за пряжку его ремня и чуть толкаю назад, намекая, что мы еще далеки от кровати и слишком одеты, чтобы замедлять темп. Он все понимает правильно и, переступив злосчастную сумку, снимает с себя свитер вместе с футболкой – мне очень

нравится вид его обнаженной спины.

– Райсс... – парень поворачивается ко мне и протягивает руку. С удовольствием и предвкушением близости следуя за своим мужчиной.

Забираюсь к нему на колени, когда садится на кровать. Он задирает мне футболку и целует грудь, другую накрывая своей ладонью. Глажу его по голове, двигаясь бедрами еще ближе, теснее прижимаясь к паху.

– В одежде Севера есть плюс – никто не увидит засос на коже, – тихо произношу я, невольно вспоминая момент из начала наших отношений, когда Алекс не сдержался, а мне пришлось неделю тщательнее следить за гардеробом.

– Мм, – с моей стороны это, конечно, не было прямым руководством к действиям, но чувствую, что красное пятнышко на левой груди у меня останется. Ловлю его взгляд и улыбаюсь, видя, сколько в нем озорства.

– А ты и без всяких меток – мой... – Алекс только ухмыляется в ответ и снимает с меня футболку, затем помогая избавиться от лифчика. Обожаю, как он смотрит на меня. Шепчет, что я идеальная, и я знаю, что это правда для него. Чувствовать себя желанной – наполняет меня такой силой и энергией. Беру его за подбородок и чуть поднимаю голову, чтобы поцеловать с языком, влажно и жарко – так, как не могла позволить себе поцеловать его вчера, потому что такие касания губ и языков должны иметь свое продолжение в настоящей близости двух взрослых людей.

Любящих друг друга людей.

Алекс гладит меня по спине, спускается руками к ягодицам гладит, сжимает, мнет. Подставляю шею его губами, наслаждаюсь, прикрыв глаза, глажу его плечи, спину. Снова ловлю губы, не сдерживая стон, когда, расстегнув брюки, он начинает ласкать меня через ткань трусиков.

Становится горячо дышать, и я чуть отстраняюсь, прикусив нижнюю губу, глядя ему в глаза.

– Безумно хочу тебя... – горячо шепчет он.

С улыбкой провожу языком от его подбородка по губам до кончика носа. Потом толкаю парня в плечо на спину, беспрепятственно слезаю на пол, чтобы снять уже наконец-то брюки, белье и откинуть покрывало с кровати, пока Митчелл стаскивает с себя джинсы и одновременно трусы – он как будто немощно пьяный, но справляется ловко.

– Привет... – смотрю в самые красивые глаза, целую самые сексуальные губы, когда подминает меня под себя.

Проводит рукой по внутренней стороне моего бедра, отмечая вслух, какая у меня нежная кожа, отводит ножку в сторону.

– Я люблю тебя... – произносит шепотом Алекс и медленно входит в меня.

Он придерживает мои руки наверху, накрыв ладони одной своей, сцепляя в замок. В его движениях все меньше самообладания: движения сильнее, глубже, резче.

– Об... обожаю, – шепчу, облизнув пересохшие губы. Па-

рень замедляет темп, целует в губы, а когда отпускает мои руки, я обнимаю его, запускаю руки в волосы.

– Хочешь сверху? – спрашивает тяжело дыша, всегда такой внимательный. Киваю, и он легко перекачивается на спину, позволяя мне доминировать, быть главной. Через некоторое время прозвучавший комментарий со стоном – "прирожденная наездница" – заставляет меня кратко посмеяться.

– Сядь, – мягко командую я, и Алекс исполняет просьбу, не забывая поцеловать, когда наши лица снова оказываются близко. Обнимаю его за плечи, двигаюсь быстро, чувствуя приближение разрядки. В нас все больше первобытного, все больше животного.

– Ммм.. – оргазм пронзает меня с такой силой, что немного теряю ориентацию в пространстве, по телу пробегает дрожь. Хорошо, что парень крепко держит меня за талию и продолжает двигаться, усиливая мое удовольствие.

– Господи... – перед глазами мелькают звёздочки, мне буквально не хватает воздуха. Когда "возвращаюсь в реальность", Алекс целует меня и снова кладет на спину. Подхватывает под колени и уже совершенно не сдерживается. Сейчас достаточно пары минут, чтобы он резко вышел из меня и со стоном, обильно кончил мне на живот. Когда-нибудь мы задумаемся о детях, и я буду чувствовать его пик внутри себя, но пока так. Тяжело дыша, парень ложится рядом. Взгляд немного расфокусированный, поэтому почти на-

ощупь ищет мои губы, чтобы целовать. Прислоняется лбом к моему лбу, восстанавливая дыхание. Снова целует губы, щеки, глаза – нежно, ласково, любовно. Ловлю себя на том, что улыбаюсь. Когда наши глаза встречаются, мы улыбаемся друг другу ещё шире. Секс дополняет нашу пару, доводя наше единение до абсолюта.

– Я сейчас, – проведя рукой по его влажной челке, оставляю его лежать на спине в одиночестве, думать о вечном, пока сама наскоро ополаскиваюсь в душе, чтобы смыть с себя не столько пот, сколько следы мужского оргазма.

– Хочу забраться с тобой на самое высокое дерево и смотреть закат... – произносит Алекс, когда мы уставшие и обнаженные лежим в обнимку под одним одеялом. Обожаю его – как в нем уживаются эти две сущности: одна романтическая и нежная, другая абсолютно животная, грубая. Первая заставляет меня плавиться от теплоты, умиления, вторая от трепета и желания ему принадлежать и подчиняться.

– Уже послезавтра сможем это сделать, – целую обнаженное плечо, поворачиваясь и закидывая одну ногу на него, – кстати, я думала, что мы уже завтра выдвинемся. Почему задержка на день?

– Эмилии нужно с кем-то встретиться в городе. Насколько я понял, кто-то из местных уточнит ей путь до Первого поселения и место для лагеря, – Алекс чуть хмурится, но не продолжает, что-то обдумывая.

Зачастую людям не нравится, когда у них спрашивают "А

о чем ты думаешь?" Особенно если это мужчина, а у вас только что был секс, но мы с Митчеллом – другая история. Между нами этот вопрос всегда означал другое: "Со мной ты можешь поделиться всем". Поэтому без какого-либо страха спрашиваю, что его беспокоит, ответ слышу незамедлительно:

– Я просто задумался почему местные не изучают волков? Почему мы – аж, с Юга – проделали такой путь, а они, находясь буквально в шаге, не идут в лес? – он задумчиво смотрит в потолок и машинально гладит меня по спине.

– У нас более развитые технологии, университет? – высказываю свою догадку, – может, находясь в непосредственной близости от них, они больше напуганы?

– Все до единого? Нет никакого местного сообщества? Нет даже одного добровольца, кто присоединился бы к нам?

– Слушай... – поворачиваю его голову к себе за подбородок, – не будем исключать, что о местных экспедициях нам просто неизвестно. Если бы были успешные – мы бы точно слышали, а о неудачах люди не очень любят говорить... И здесь зимой тяжелее, чем у нас – люди думают о том, чтобы выжить в целом. Мы, на их взгляд, группа избалованных авантюристов, которым спокойно не живется...

– Ну, это и на взгляд моих родителей тоже, – парень усмехается и целует меня в лоб. Предлагаю переодеться и пройтись по городу, пока не совсем стемнело. Может, поговорим с кем-то из местных, достанем пару газет и пойдем лучше,

чем живет город. Он не возражает, хотя, я вижу, каким взглядом смотрит на меня, стоит нагой вылезти из кровати.

На прогулке нам тут и там попадаются объявления о пропаже людей. Выглядит жутковато – мужчины и женщины от 18 до 30 лет в основном.

– Как будто у них серийный маньяк завелся... – передергиваю плечами, мне как-то жутко. Однажды такое было и в нашем городе, но его быстро поймали, больше пяти жертв не было, а здесь...

– Пропадают пачками и регулярно... думаю, это объясняет, почему так запуганы, – Алекс закрывает газету, а я беру его за руку и чуть сжимаю.

– Если вы о волках, то не верьте, – вклинивается бармен, за чьей стойкой ждем, пока освободится столик, и мы сможем поесть в ресторанчике нашего отеля, – большинство так называемых пропавших – просто сами уходят в поисках лучшей жизни, в ту же Общину, например. Места у нас суровые сами по себе, так что мы не запуганы.

Похоже, его задели мои слова, кидаю на своего парня быстрый неловкий взгляд. Интересно, о какой Общине речь? Но уточнить не успеваю – нам дают знак, что мы можем пройти в основной зал.

Быстро к нам присоединяются Кэт и Майкл. Почему-то я не сомневалась, что этой парочке везунчиков не придется долго ждать свое место.

Ужин проходит за веселыми разговорами, Торрес и Рейнс

обошли полгорода, пока мы предавались нашей любви, поэтому смогли рассказать много интересного и в отношении нового города, и местных людей, и даже насчет "той же Общины".

– Один мальчик ходил за нами по пятам. Ему лет десять на вид. Я его подозвала, когда обнаружила "слежку", он подошел и спросил, не заберу ли я его в лес, – Кэт чуть пожимает плечами, – стал говорить, что его сестра ушла в Общину, и он тоже хочет. Я бы порасспрашивала еще, но Майкл вышел из магазина и спугнул его.

– Община в лесу? Может, местная коммуна изучает животных как мы? Видишь, все-таки есть те, кто разделяют наши стремления, – мне нравится думать, что есть за нами подрастающее поколение, у которых волки вызывают интерес. Может, этот мальчик из тех, кто сможет их приручить вооружившись знаниями, которые добудем мы?

– Он мальчишка – его привлекают красивые девушки, – говорит Майкл, указывая на Кэтрин, – и опасности. Не более. Обыкновенный здоровый интерес. И если хотите знать мое мнение, про Общину – тоже сказки. Тяжело жить в городе, и кто в таком случае будет жить в лесу?

Пожимаю плечами. Спорить не буду, тем более, что скорее всего он прав, но мне нравится моя фантазия, что где-то есть ребенок, как я одержимый Северными волками и стремящийся к ним. Хотя в отношении тех, кто уходит из города в лес есть вопросыки...

К вечеру, скорее ночи, наша компания перебирается в ближайший от отеля бар, где много людей, а проигрыватель играет старые песни.

Вскоре оглядываюсь и обнаруживаю нашу группу почти в полном составе. Вот в углу Линда и Джеймс тихо шепчутся за бутылкой вина. Ханна, конечно, танцует с местным парнем и светится улыбкой. Томас и Анна играют в карты с местными жителями за столиком. Раскрасневшийся от алкоголя и азарта парень даже похож на человеческую особь в таком состоянии. Анна спокойнее, видно, что в этой парочке она больше контролирует себя, но так же видно, с каким трудом ей дается не уснуть прямо сидя за столом. Профессор Холл тоже здесь – пожалуй, она единственная кто все также собран и серьезен – у нее разговор с каким-то стариком лет семидесяти, они склонились над картой и, видимо, обсуждают маршрут. Тот самый человек, с которым у нее должна была быть встреча, догадываюсь я. Закончив обсуждение, она берет карту с пометками и присоединяется к старшим коллегам, которые тут же надевают маску профессионализма и даже чуть отсаживаются друг от друга.

– Пойдем потанцуем, – Кэтрин берет меня за руку, и я, допив оставшийся глоток своего пива, иду за ней. Сегодня единственный вечер, когда можно вот так расслабиться, завтра нужно быть тихими и спокойными, чтобы на утро быть полными сил.

Танцуем мы, делая вид, что не замечаем взглядов местно-

го населения.

– А мы бы здесь имели успех, да? – отмечаю подруге, приподняв одну бровь.

– Дело в коже. Более мягкий климат – другая кожа. Мороз, снег, ветер сделают с нами ужас, – я бы подумала, что Кэт сильно переживает по этому поводу, но знаю, что ее рюкзак весит почти центнер как раз из-за банки крема в 50 кг.

– И мы уже не будем такими привлекательными персиками? – кто-кто, а она всегда будет привлекательным персиком. Сойди с нас легкий загар – я буду просто бледная поганка, а она превратится в Белоснежку из древней сказки – огромные голубые глаза, блестящие черные длинные волосы, фигура "песочные часы", алые губы.

– Будем. Мы – всегда будем. Даже с обветренной кожей и потрескавшимися губами. Такова участь красавиц, – мне нравится уверенность в ее голосе и предпочитаю безоговорочно верить.

Через весь зал вижу Алекса, который разговаривает о чем-то с Майклом и каким-то местным парнем. Кажется, нашли общий язык и тему для разговора – мой Митчелл выглядит заинтересованным, довольным и расслабленным. И очаровательным. Вижу, что и он здесь имеет успех – по взглядам местных женщин. Не ревную, но хочу под этими же взглядами увести его отсюда.

Наверное, чувствует мой взгляд и несколько мгновений озирается, пока не ловит мои глаза. Продолжаю танцевать,

но уже веду с ним мысленный диалог, взгляд глаза в глаза.

– *Эй, любовь моя...*

– *Ты такая красивая, когда танцуешь.*

– *Ты такой очаровательный...*

– *Уйдем отсюда сейчас?*

– Я пошла, – быстро целую Кэтрин в щеку, прощаюсь и спешу забрать Митчелла из этого бара.

Хочу его поцелуев, хочу, чтобы голову потерял, чтобы стоял и сжимал мои волосы на затылке, когда буду доставлять ему удовольствие, опустившись перед ним на колени...

Следующий день проходит максимально спокойно. Мы проверяем вещи по списку, покупаем необходимое, гуляем по городу, который выглядит холодным и тихим, полная противоположность нашим краям.

Не пользуясь никаким маршрутом, выходим к окраине и видим лес.

– Красиво... – выдыхает Алекс, глядя далеко вперед, – о, кажется слышу вой!

– Что?... я не слышу... – напрягаю слух, но тщетно. Сердце так сильно бьется, желая услышать звук, но... – ты меня дразнишь, да?

Алекс улыбается, со смехом уворачивается от моего пинка.

– Еще слишком рано, Райсс. Из города их не услышишь. Не расстраивайся, считанные часы, и ты и услышишь, и уви-

дишь, – он обнимает меня за плечо, и мы поворачиваем обратно к центру – нам пора возвращаться к вечернему собранию в отеле.

Утром мы отправляемся в лес, выходим из города, когда еще толком не рассвело. Сегодня нас никто не провожает, местным жителям мы абсолютно равнодушны. Думаю, Кэтрин бы описала этот момент как – город облегченно выдохнул, когда чужестранцы покинули его пределы, и их поглотила чаща леса. Надо будет подкинуть ей идею, кажется, красивый образ.

Меня переполняет такой восторг, что едва ли не бегу по снегу. Ноги утопают в сугробах, проваливаюсь по щиколотку, а иногда глубже, идти сложнее, чем я думала, но я полна энергии и адреналина.

– Райсс, – слышу голос Питера сзади и оборачиваюсь, – побереги силы, не беги.

– Я в восторге, Питер! – останавливаюсь, пропуская его вперед и, переводя дыхание, жду Алекса. Немного неловко, что я как девчонка не соблюдаю строй и не такая выдержанная... как Анна, например, но мне сложно держать себя в руках. Очень ждала лес, увидеть эти деревья, безумно высокие, увидеть снег, почувствовать мороз на щеках.

Митчелл смеется, глядя на меня, когда подходит и останавливается рядом. Тянусь к нему и целую в губы. Его любовь – вишенка на этом чудесном торте.

– Я в восторге, Алекс. Мне хочется покричать!

– Кричать точно не нужно. Мы же хотим заметить Северных волков раньше, чем они нас, – он улыбается и кивает, чтобы я вернулась на образовавшуюся тропинку в снегу, пошла впереди него и не бежала перед группой.

– Если правда то, что мы о них знаем, я думаю, они нас уже почувствовали.

– Тогда постараемся их не злить...

Спустя час мы останавливаемся для небольшого привала.

– Я устала... – Кэт выглядит измученной, но покрасневшие щеки от мороза делают ее очаровательной. Майкл останавливает ее от того, чтобы снять рюкзак.

– У нас всего десять минут, ты потом его не наденешь. Я не понесу за тебя, – какой-то он ворчун... Странно, конечно. Все немного напряжены сейчас, очень серьезные, настороженно смотрят вглубь деревьев, но в целом выглядят радостными. Но не Майкл...

Кэт что-то говорит ему на ухо – мне не слышно, но кажется, это ее фирменное шипение. Рейнс мрачнеет и отходит. Вчера все было хорошо между этими двумя.

– Кэт? – подруга поворачивается ко мне, и я вижу остатки злого взгляда. Хорошо, что глядя на меня он меняется. Торрес даже улыбается, но я чувствую, что она продолжает злиться.

– Что между вами произошло? – беру термобутылку с водой из кармашка на лямке моего рюкзака и пью, не сводя

глаз с брюнетки, чтобы уловить мельчайшее изменение в ее лице.

– Все нормально. Он как обычно слишком много на себя берет, – Кэтрин тоже пьет. А на мой вопросительный взгляд, который просит более частного ответа, только машет рукой. Вроде как это не важно.

Мне не нравится, что у нее есть от меня секрет... Хочу все-таки пристать к ней, потому что ее злое состояние для всех нехорошо, но Линда призывает нас собраться – до Первого поселения, где мы сможем сбросить ношу, отдохнуть, поесть – особо удачливые даже вздремнут – идти полтора часа на северо-запад.

Следующую часть пути Торрес идет молча, Рейнс идет, прожигая дыру взглядом у нее в спине. А в остальном все в своем обычном состоянии. Томас и Анна на скорость называют птиц, которых видят или слышат. Марк показывает нам следы животных, путь которых проходил поперек нашего – тогда мы все делаем шаг побольше, переступая их – без особой причины, просто так.

Первое поселение выглядит как пять деревянных домов – два напротив трех. Когда-то здесь действительно жили люди, но давным-давно ушли. Четыре из пяти выглядят полуразрушено – у какого-то дома отсутствует стена, у какого-то обвалилась крыша. Но один из них выглядит основательно – крепкая дверь, сохранились даже окна. Но самое главное – в нем есть радиоточка. Именно этот дом и составлял из себя,

по сути, Первое поселение.

– Эмилия, посмотри, – Питер зовет профессора Холл к стене в доме, на которой с помощью кнопок, гвоздиков, булавок, прикреплены разные записочки, бумажки, ленты.

Мы все подходим к ней, рассматривая послания. Какие-то касаются только любви – стандартное "M+K=Любовь", на каком-то написано "Иду в новую жизнь", "Я больше не буду один", "Моя пара – жди меня". И я вижу, что привлекло внимание Джеймса в первую очередь – лист побольше остальных, волнистый от влажности, с несколькими почерками.

– Привет из Южного города... – начинает читать профессор Холл, но замолкает, прикрыв рот рукой. Мы все тактично отходим, давай ей возможность справиться с эмоциями и первой прочесть послание пятнадцатилетней давности, с которым, конечно, всем хочется познакомиться.

Алекс помогает снять мне рюкзак – приятно размять плечи и дать отдых спине. Расставшись со своей ношей, и Кэт заметно веселеет. А может, это связано с тем, что Рейнс держится от нее в противоположном углу.

– Митч, нужно развести огонь, – Марк держит в руке небольшой топорик и кивает на дверь, приглашая составить ему компанию.

Двоих для этой работы достаточно, поэтому, получив поцелуй в щеку от Алекса, остаюсь в доме. Ханна и Линда пытаются включить радио по инструкции, которую нашли в столе, в полиэтиленовом пакете для сохранности. Когда я

подхожу, они уже слышат характерное шипение. Ханна крутит колесико, в поисках станции службы спасения Северного города. Мы должны отметить, как дошедшие до Первого поселения. После трех дней в лагере в ущелье, мы снова должны отметить здесь, чтобы город знал, что с нами все в порядке, и продолжить свою работу, и в третий раз, когда в полном составе будем идти обратно. Первая экспедиция отметилась лишь дважды – второй раз на связь вышел только Киллиан Кларк, оставив краткое сообщение, что с ним Магнус, который получил ранение. И хотя при худших условиях за шесть часов точно можно дойти до города, они были найдены на окраине леса только на следующий день. Магнус Джонсон был мертв. Киллиан Кларк погиб во время транспортировки в Центральную больницу Северного города. К сожалению, это все, что было нам известно.

– Ты воистину принес тепло в этот дом! – произносит Кэт, когда Марк и Алекс возвращаются с ветками для небольшого камина. Подруга, кажется, повеселела еще сильнее. Уверена, она перекусила шоколадкой и сейчас ждет горячий чай.

– И в мое сердце, – вторит Майкл, становясь рядом с писательницей. Он явно пытается наладить с ней отношения. Надеюсь, у него получится – эти двое мне надоели со своими препирательствами. Хотя, кого я обманываю, мне надоело то, что я не знаю, что происходит!

– Я всех вас люблю, но безумнее всего – Райсс, – признается Митчелл, сваливая ветки на пол у камина. Складываю

из пальцев сердечко, когда он смотрит на меня.

– С вас приглашение на свадьбу, – улыбается Джеймс, глядя на нас.

– И с вас тоже, – включается в разговор профессор Холл. Повисает неловкое молчание на несколько секунд, – Джеймс, мы знаем о вас с Линдой. Пожалуйста, хватит скрывать-ся, – она мягко улыбается. Не верю своим глазам, но "папа" Джеймс смущен! Отмирает, когда мисс Паркер подходит к нему и берет за руку.

– Ну, все здесь взрослые люди... Мы не говорили вам не потому, что не доверяем, просто не знали, к чему это приведет и как долго продлится, – Линда обычно держит личную жизнь под семью замками, и в целом не показывает чувства и эмоции, но сейчас в ее голосе столько мягкости в отношении Джеймса...

– А теперь мы решили жить вместе, когда вернемся. Не хотим, тратить время... – мужчина крепче сжимает руку Линды. И кажется, что ему сейчас гораздо легче, после признания. Невольно перевожу взгляд на Кэтрин и Майкла.

– Что?! – хором спрашивают они, и после возмущенно смотрят друг на друга.

– Мы не вместе!

Вторая фраза звучит синхронно, заставляя всех замереть. Кто же знал, что признание в любви, произнесенное Алексом, вызовет такую цепную реакцию.

– Ну, а может и стоило бы, – легко произносит Питер в

полной тишине. И, чтобы перевести тему, приглашает всех выпить чай, пока есть время до контрольного "звонка" со службой Северного города. Все с благодарностью принимают предложение, чтобы занять руки, рты и вообще быть при деле и не поднимать больше щепетильные темы.

С кружкой горячего чая подхожу к стене с записками – ведь я так и не посмотрела, что написали предшественники.

"Привет из Южного города. Мы те самые фантазеры-ученые, одержимые мечтой. Сегодня первый официальный день нашей экспедиции в Северный лес. Погода стояла замечательная, но сейчас сильный снегопад – придется задержаться здесь дольше, чем планировали.

Но мы готовы ко всему!

Наша частота на радио – 33,4.

P.S. Эмилия, тебя очень не хватает. Надеюсь, когда ты увидишь это послание, мы будем читать его вместе. Мемфис"

– Мемфис Вуд – отец Клары, – рядом со мной оказывается Рейнс. Удивленно поворачиваюсь к нему.

– Я думала, об отце Клары ничего неизвестно... А он был в первой экспедиции, – вот и первое открытие. Интересно, он говорил кому-то еще?

– Да, такое стечение обстоятельств... Не сломай мама тогда ногу, сестра бы не появилась на свет, – об этом я поду-

мать не успела. А ведь действительно... Профессор Холл в один день лишилась мечты своей жизни, но благодаря этому сохранила жизнь себе и родила Клару. О судьбе Мемфиса Вуда мы знали только, что он пропал без вести, признан погибшим, как и большинство членов экспедиции, о судьбе которых ничего неизвестно

Повинуясь порыву, обнимаю Рейнса, и парень делает это в ответ.

– Что у вас с Кэтрин? – надеясь на эффект неожиданности, задаю волнуящий меня вопрос. Может быть, он мне откроется сейчас.

– Спроси лучше у Кэт. Она тебе расскажет. А когда она это сделает, пожалуйста, скажи ей, что я хороший... я же... – отстраняюсь и смотрю этому кареглазому брюнету в глаза. Вижу там большую грусть.

– Я знаю, что ты хороший. Кэт тоже... но я ей напомню, – с мягкой улыбкой киваю головой. Мне правда хочется ему помочь. На девяносто девять процентов уверена, что он и правда влюблен. Интересно, что на этот счет думает Торрес...

Спустя сорок минут мы готовы двигаться к ущелью, где разобьем свой палаточный лагерь.

Пока погода нам благоволит, даже ветра сильного нет, так что все идет по плану.

И мы с Алексом даже сможем увидеть закат солнца на самом высоком дереве, которое найдем.

Глава 4

– Команда, последний рывок! – объявляет Джеймс, когда мы прибываем к нужной точке – в Ущелье Северного леса, – ставим палатки, разводим костер, едим и отдыхаем до завтрашнего утра. Просьба, не мусорить и не шуметь, хотя, вы и так понимаете... Туалет определяем – вон за тем деревом для девочек, с другой стороны – для ребят. И отныне по одному не ходим, с собой всегда когтисные перчатки, сигнальные огни, химические источники света. И главное – внимательность.

На двенадцать человек у нас три палатки – распределены мы так же как и в машинах. Алекс и Майкл ставят палатку, после чего мы с Кэт "обустройстваем" все внутри – раскладываем матрас на пол для дополнительного тепла и спальные мешки. У нас с Митчеллом спальный мешок двойной на молнии, поэтому сразу достаю из его рюкзака половину, чтобы соединить наши части – лучший подарок, который я от него получала. Кэт тогда тоже понравилось, только ныла весь вечер, что ей не с кем вот так мило спать в походе. Майкл красноречиво покашлял, но был одарен уж слишком холодным взглядом. Таким холодным, что захотелось взять его в наш спальный мешок, чтобы не простудился...

– Вытащи сразу грелки для рук, чтобы были... под рукой, – Кэт морщится от тавтологии, но не всерьез. И пока

она в неплохом настроении, решаю попытаться снова узнать о ее отношениях с Майклом.

– Кэт... – как бы невзначай начинаю я, все внимание уделяя рюкзаку Алекса, в который он убрал наши грелки, – у нас же с тобой нет секретов друг от друга... ой...

В руках у меня оказывается бархатная коробочка небольшого размера – как для кольца.

– Что ты хотела... О! Алекс подарил тебе кольцо? Ты его приняла?! – у нее так просветлело лицо, что мне неудобно ее расстраивать:

– Подожди, нет. Просто нашла в рюкзаке... – глажу большим пальцем коробочку, – он же тогда просто предложил, а сейчас кольцо...

– Боже! – подруга пододвигается ко мне и берет меня за руки, – это потрясающе! Исполняется мечта героини, она видит своего Северного волка, и тут же ее человеческий волк становится на одно колено и делает ей предложение! – улыбаюсь, прикусывая губу – это так сказочно звучит...

– Вик. Виктория! – смотрю на Кэтрин, которая все еще держит мои руки, которые держат коробочку, – ты должна убрать ее на место. Тебе нельзя смотреть.

– Но, Кэт! – она читает моей мысли! Это желание возникло само собой, и сейчас руководило бы моими действиями, если бы не брюнетка. Успокаиваю свое сердце, дыхание, – ты права. Увижу, когда он сам подарит мне его... убираю... – Засовываю коробочку поглубже в одежду. Теперь я волну-

юсь.

– Если так хотелось увидеть кольцо – нужно было сразу соглашаться. А не ставить условия на Северных волков, – замечает мне Кэт.

– Ты же знаешь, почему я так поступила, – мне неприятно об этом думать. Может, действительно была не права, обидела Алекса, но у нас в любом случае все замечательно.

– Да, и считаю, что зря, – закатываю глаза, пока она меня не видит. Хорошо, что всегда можем говорить друг с другом на чистоту, но не всегда я рада слышать от нее правду.

– А я думаю, что ты зря так жестко обращаешься с Майклом! Он же, очевидно, влюблен в тебя, он хороший, – не придумываю ничего лучше, кроме как перевести стрелку. Не я одна тут "плохо" себя веду, вообще-то.

– Да не влюблен он... – устало произносит Кэт. Я вижу, что ее что-то гложет и делаю еще один заход:

– Кэтрин, между нами же нет секретов... что случилось? – беру ее за руки и смотрю в глаза. Она молчит, но и не отталкивает меня, не уходит из палатки. А значит, нужно просто подождать немного.

– У меня задержка, – наконец произносит она, – недели две, тест положительный, – продолжает Кэтрин, предвосхищая мой следующий вопрос.

– О, Кэт... – глажу ее руки, пытаюсь понять, как она к этому относится, чтобы понимать, какая реакция уместнее от меня, – а что ты... А кто?.. – перебираю в голове бывших

ухажеров Торрес, но не помню, чтобы она рассказывала мне о возвращении кого-то из них.

– Месяц назад, чуть больше, мы же праздновали день рождения Майкла... Вы с Алексом ушли домой, я ждала такси... ну, он предложил еще выпить, пока ждем... И не знаю, как-то нахлынуло, я сама не поняла, как уже стаскиваю с него брюки, – признанине дается подруге не легко, но не кажется, что ей стыдно. Скорее, она просто смирилась со своим поступком.

– Так, значит, ты стащила с него брюки... а вы потом? – вот так поворот! А я знала, что там интрижка!

– Нет! Мы не вместе. Это случайность и было один раз, – мне очень хочется узнать подробности, но не давлю на подругу, позволяя рассказать ей все самой, и столько, сколько посчитает нужным.

Картина в моей голове выстраивается довольно ясная. Случайный деньрожденный секс – Майкл приглашает Кэтрин на свидание – она отказывает – а потом...

– Постой, но тебе не нужно было ехать в экспедицию! Когда ты узнала? А Майкл знает? Конечно, он знает... потому так ведет себя.

– Вик, подожди. Во-первых, это еще не точно. Во-вторых... Ничего не точно! Я сделала только вчера один тест. А тут экспедиция, какие врачи? Майкл узнал вообще случайно, потому что мы с Алексом поменялись комнатами, а я разнервничалась... Бесит! Собирался все всем рассказать, что-

бы меня оставили в городе. Столько подготовки волку под хвост из-за какой-то небольшой вероятности, что я залетела от случайного секса как какая-то малолетка... – похоже, ей все-таки стыдно. Хорошо, что она мне рассказала.

– Иди ко мне, – обнимаю ее за плечи, – все хорошо. Вернемся и узнаем наверняка. Ничего страшного, мы со всем разберемся. И Майклу, похоже, не все равно, – успокаиваю подругу, хотя, мне сама очень волнуюсь.

– Даже слишком, – ворчит Торрес мне в плечо. Решаю, что могу ей открыть то, что Рейнс поведал мне в Первом поселении – про отца Клары и, получается, его потенциального отчима. Тогда становится совсем ясно, почему он так переживает о возможном ребенке.

– Ничего себе... – Кэтрин выглядит удивленной и чуть более спокойной.

– Да... Так что будь с ним помягче. Он же наверняка ассоциирует тебя со своей матерью, – не могу сдержать улыбки, хотя это и неуместно.

– Фу, гадость какая. Не буду об этом думать, – Кэтрин морщится и видно решает тут же выкинуть образ из головы.

– Ну, я имела в виду ситуацию. С появлением сестренки на этот свет, – улыбаюсь, потому что сравнение я привела забавное, и, надеюсь, градус напряжения мне удалось снизить.

Разговор о детях мы с Алексом подняли только однажды, когда в целом обсуждали будущее наших отношений. И было решено, что перспектива иметь мелкого очень даже при-

кольная, только чуть позже. После экспедиции, после свадьбы, через год-другой – как выйдет. Но в целом к такому развитию событий были готовы. Разве что не перед экспедицией... это было бы ужасно. Правда. Не хочу об этом думать, и представлять себя на месте Кэт...

– Вик, не говори пока Алексу, ладно? – подруга смотрит мне в глаза и берет обещание молчать. Конечно, даю его. С тем учетом, что готова ради нее на все, хранить секрет со всем не сложно.

– Хорошо. Я не стану, – судя по Рейнсу, оглядываясь на все то время, что я его знаю, уверена, что и он будет молчать, раз Торрес приняла решение идти в лес и ничего никому не говорить, – но если Майкл по-секрету поделится с Алексом...

– Тогда я сегодня задушу его подушкой, – быстро и безапелляционно обрывает мое предложение Кэт.

– Митчелла, то за что! Ты стала такая нервная... гормоны? – Кэт несильно толкает меня в плечо, смеюсь и заваливаюсь на спальник.

Торрес ложится рядом со мной и говорит, что рада поделиться "новостью", что одной было тяжело. Ответственно заявляю, что поддержку любое ее решение.

Мы еще лежим некоторое время и болтаем больше об отношениях, сексе и детях, пользуясь возможностью, пока в палатку не заглядывает Алекс и зовет меня смотреть закат на самом высоком дереве.

С радостью принимаю предложение словами: "Я согласна!" под смешок Кэтрин.

Мы с Митчеллом берем нужное снаряжение, проверяю на всякий случай электрошокер в кармане и сигнальный пистолет. Надеюсь, нам это не понадобится, но предосторожность – прежде всего.

– Я присмотрел нам классное дерево. Во всех отношениях классное, – объявляет мой зеленоглазый красавец, – обратил на него внимание, когда мы проходили.

– Выберем его как "наше" и будем бегать к нему целоваться, – весело предлагаю я. Сегодня самый прекрасный и идеальный день, я убеждена. Лучше будет, только когда будем наблюдать за стаей волков.

– Далеко не уходите, – говорит нам Джеймс. Конечно, он внимательно следит за нашим лагерем, – и в темноте долго не гуляйте!

– Мы взяли ХИС, – успокаивает его в ответ Алекс, демонстрируя палочки с химической жидкостью в руке, которые подарят нам свет, если их потрясти. Уверена, что Анна и Томас могут написать формулу состава.

Карабкаемся на высокую толстую сосну параллельно друг другу и одновременно. Мы не соревнуемся, поэтому забираемся неспешно, не тратя силы. На нужной толстой ветке Алекс помогает мне удобно сесть. С такой высоты открывается прекрасный вид на лес, на поляну, солнце, уже клонившееся к горизонту.

– Не вижу наш лагерь, но слышу... Надо сказать им быть потише... – не знаю, чего ждать от леса, когда мы увидим волков? Хотелось бы быть инициаторами встречи, а не наоборот.

– С каких пор ты такая трусиха? С утра бежала по сугробам в восторге и не заботилась о шуме, – парень улыбается и пододвигается ко мне.

– Я не трусиха. Просто осторожность не повредит – мы уже глубоко в лесу. Если меня съедят во сне – я буду расстроена, – Митчелл улыбается и, сняв перчатки, берет мое лицо в руки.

– Волков мы увидим завтра. Эмилия сказала, что вчера ей уточнили на карте места прохода стаи и логово. Нам нужно пройти несколько миль на запад, там мы положим приманку и будем наблюдать. А сейчас, смотри, – он ласково поворачивает мое лицо в левую сторону.

Небо окрашено в ярко-оранжевый рядом с солнцем и уходит дальше в розовый, с красивым переходом к темно-голубому. Мы молчим, взявшись за руки – представляли эту картину столько раз, а сейчас она стала реальностью. Как же здорово разделять этот момент с близким человеком.

Поворачиваюсь к нему и улыбаюсь. Его улыбка в мягком свете заката... Запомню навсегда. Вижу, что в его глазах любовь – ко мне, к науке, к этому миру. Его ждет великое будущее – вижу это по его глазам. Человек, который столько работает ради мечты, ради любимого дела, точно будет воз-

награжден.

Чуть сжимаю его руку, чтобы привлечь к себе внимание, тяну на себя и целую в губы, когда приближает ко мне свое лицо.

– Так представлял? – к парню добавился запах мороза и леса: отмечаю это, когда обнимаю его. Мне нравится, что сейчас можем побыть вдвоем, вдалеке от группы и земли. Как говорят про счастье? На седьмом небе? Это, конечно, даже не седьмая ветка, но все равно очень высоко.

– Да... – он отстраняется и смотрит на меня. Думаю, еще что-то скажет, но парень только смотрит на меня с легкой улыбкой, и я знаю, что он сейчас чувствует. Меня греет мысль, что у него с собой кольцо. Вообще, сейчас идеальный романтический момент, но я еще не видела волка...

Целуемся нежно и долго, пока совсем не становится темно, и приходит пора возвращаться. Не думаю, что смогу уснуть сегодня ночью, но в любом случае пора в лагерь, пока нас не начали искать. Навелс точно забьет тревогу.

– Пора... – Митчелл первый озвучивает то, что понимали мы оба, но я не говорила, чтобы продлить это время на дереве. Вот он – разумный лидер в нашей паре.

– Да... С тобой так хорошо... так тихо вокруг... – постепенно возвращаюсь в реальность, из которой успела выпасть из-за его губ.

– Да, даже слишком... – парень чуть хмурится и оглядывается по сторонам. Его тон заставляет меня серьезнее отне-

стись к замечанию.

– Звери легли спать? – предполагаю я, начиная чувствовать волнение, не заражаюсь тревогой парня, просто знаю и сама, что лес никогда не молчит. Мое предположение шутливое, должно было успокоить, но дает только обратный эффект.

– Должны были проснуться ночные... – Митчелл замолкает, делая мне знак, чтобы и я была тиха. Стараюсь даже не дышать, прислушиваюсь – в тишине слышны только легкие голоса наших друзей в лагере.

Лес и правда молчит.

Это очень страшно, потому что все может затихнуть только в одном случае – если рядом крупный хищник, а все живое замерло в надежде, что он не заметит и пройдет мимо.

В момент, когда хочу предложить спускаться вниз, игнорируя предчувствие – в конце концов мы не знаем, может, это нормальное состояние для этих мест, – раздается громкий вой, и ему вторят сразу несколько. Желудок делает сальто. Мы замерли, оба понимая, что стая рядом.

Следом за воем слышится рык, от которого у меня мороз по коже. Слишком близко.

– Может, пройдут мимо... – к своему ужасу, понимаю, моему предположению не суждено сбыться. Тишину разрезает шум: рычание, вой, крики сразу нескольких людей. Алекс дергается, собираясь вниз, но удерживаю его за руку.

– Нет, – не хочу его отпускать. Я не могу остаться одна.

– Виктория... Вик, – его успокаивающий тон мне не нравится, он ни чуточки не успокаивает, – будь здесь. Я подойду ближе и выстрелю, чтобы их отогнать. Ты же знаешь – волки не подходят, если чувствуют, что хотя бы одному из них грозит опасность, – он гладит меня по щеке. Мне страшно и стыдно от того, что оказалась не готова... – Все будет хорошо. Просто будь здесь. Ладно? Я приду за тобой.

Он убирает мою руку от себя, надевает перчатку и скрывается внизу в темноте, оставив мне ободряющую улыбку.

Какое-то время слышу, как парень спускается, но очень быстро остаются только звуки борьбы из лагеря. Здесь я в безопасности, но там – волчий лай, рычание, крики друзей.

Не могу отсиживаться здесь на дереве. Нужно взять себя в руки, нельзя поддаваться панике.

Я не должна была отпускать Алекса одного... Не должна была.

Поднимаюсь на ноги и начинаю спускаться на ветку ниже, и еще одну. Чем ближе к земле, тем темнее, поэтому достаю ХИС (химический источник света), чтобы оказаться на земле быстрее и аккуратнее. Меня подгоняет страх и адреналин, даже не успею в целом подумать, что собираюсь делать. Надеюсь, успеть догнать Митчелла. Скоро ноги проваливаются в снег, иду сначала по следам Алекса, потом теряюсь, больше оглядываясь по сторонам, боясь пропустить волка.

Через пару минут выхожу к ущелью, где мы расположили палатки. Я слышу рычание сразу с нескольких сторон, жен-

ский крик, который резко обрывается. К своему ужасу различаю звук рвущейся плоти и ломающихся костей.

Неожиданно раздается громкий хлопок, и поляна озаряется светом – кто-то из ребят выпустил сигнальный огонь. Жалобный скулеж свидетельствует, что тот достиг цели, но тут же животное так яростно рычит, что понимаю, ответное действие последует немедленно и будет смертельно. Благодаря свету могу видеть картинку на поляне целиком: огромный волк склонил над Анной свою окровавленную пасть, Марк заряжает пистолет со снотворным, чтобы сделать выстрел. Я вижу его цель – едва ли та доза, которая у него есть успокоит животное. Томас лежит у своей палатки в неестественной позе – из раны на его шее течет кровь.

Я оцепенела и не понимаю, куда бросаться в первую очередь – чем и кому я могу помочь? Почему не вижу Алекса? Где Кэтрин? На месте, где стояла наша палатка сейчас просто груда из ткани и снега.

В тот момент, когда решаю бежать в сторону Ханны, которая пытается забраться на дерево, но ей мешает большой волк, вцепившись в ногу, рядом со мной справа буквально из-под снега вырастает волк, выше меня раза в полтора. С рыком он бросается ко мне и мордой откидывает меня назад. Последнее, о чем я успеваю подумать, прежде чем чувствую резкую боль и проваливаюсь в темноту:

"Койоты... Койоты используют снег в качестве укрытия, чтобы напасть неожиданно".

Когда прихожу в себя, боль в затылке и в спине первое, что я чувствую. Помню как пыталась бежать по снегу вперед – помочь Ханне. Но что-то резко появляется справа и меня с силой отшвыривает назад. Дальше резкая боль и темнота. Вероятно, ударилась о дерево. Если череп цел, то в нем наверняка трещина. В ушах звенит... жмурюсь и открываю глаза.

Постепенно возвращается сознание – мне жарко, слышу несколько голосов одновременно и не узнаю ни один из них. Пытаюсь почувствовать свое тело, двигаются ли руки, ноги? Удар был такой, что кажется слышала треск своего позвоночника. Но я правда могу пошевелиться! Чудо, что не парализована. Медленно сажусь, опираясь рукой на деревянную широкую лавку, на которой лежала – кто-то подложил мне под голову меховую подушку.

Головная боль усиливается на мгновение, заставляет поморщиться, но вскоре становится терпимее. Обвожу взглядом помещение, в котором оказалась. Это большая комната в деревянном доме – зал поделен на две части. Слева от меня окно и печь – каменная, прямо напротив большой деревянный стол, за которым сидят несколько мужчин, широкая лавка идет от стены до стены с противоположной стороны – там спят двое человек...

Справа от меня дверь, похоже на улицу. Закрываю глаза и делаю несколько вдохов-выдохов. Я дезориентирована из-за

удара, и галлюцинации не исключены. Когда все закончится, посмеюсь с Алексом, что в моей галлюцинации двадцать незнакомых мужиков...

– Смотри-ка, очнулась! Мартин, судьба! – открываю глаза, понимая, что нахожусь в реальности. Ведь галлюцинации не могут совмещать в себе и картинку, и звук.

Мужчины обращают на меня внимание, некоторое время смотрят в мою сторону, но теряют интерес довольно быстро. Хочу задать вопрос, но только захожусь кашлем – в горле пересохло.

– Держи, – девушка, которую я сразу не заметила, протягивает мне деревянную чашку, – это вода.

Здесь все из дерева... странно. Может, это какое-то Второе поселение, о котором никому неизвестно? Беру из ее рук чашку – на первый взгляд действительно вода, запаха нет. Делаю глоток и не могу остановиться, пока не выпиваю до конца.

– Спасибо, – смотрю на девушку и внимание привлекает ее одежда – не городской стиль, мягко говоря. Ее костюм из натуральных материалов – простая рубашка из хлопка, брюки из меха, как и жилетка поверх рубашки, – Где я?

– Тебе лучше полежать. Ты сильно ударилась головой, – она быстро уходит, оставляя меня в растерянности. Разговоры мужчин, треск огня в печи – все кажется слишком громким.

Где мои люди? Где Алекс? Кэтрин? Майкл?..

– Привет, я – Бенджи.

Смотрю на парня, который обращается ко мне – он отворачивается от стола, за которым сидел спиной ко мне, перекидывает длинные ноги через лавку и идет в мою сторону. Одет он примерно как и девушка, что дала мне воды, только под жилетом рубашка кожаная.

Головная боль не дает нормально сориентироваться, но делаю над собой усилие. Мне нужно понять, что происходит.

– Как тебя зовут? – Бенджи высокий и худощавый. Не самое приятное узкое лицо с глубоко посаженными глазами, но, кажется, настроен не враждебно.

– Я Вик... Виктория, – не знаю, какой вопрос задать первым, концентрируюсь на двух основных, – где мы? где люди из моей группы?

Хочу увидеть хотя бы одно знакомое лицо, может, кто-то на улице, или рядом другой дом...

– Мартин говорит, у тебя может быть потеря памяти, шок... Шок я вижу, а имя свое ты помнишь... – он смотрит с интересом, наклонив голову вправо. Отвечать на мои вопросы, похоже ему не так интересно, он их игнорирует. Это тревожит.

– А где мои друзья? – предпринимаю еще одну попытку выяснить, что происходит.

– Ты была одна, когда мы тебя нашли. Точнее, единственная, кто подавал признаки жизни, – последние слова пронзают меня, вызывая воспоминания – Анна на снегу в крови,

огромный волк распорол ей живот. Томас лежал на боку с открытыми глазами – у него была окровавлена шея. Ханна пытается залезть за дерево, но вниз ее тащит за ногу волк.

А остальные? Что с ними? Алекс не... Мне не хватает воздуха и кружится голова.

– Мы возвращались в Общину с Охоты, когда нашли ваш лагерь – раскуроченный напрочь, – Бенджи садится рядом со мной, тон такой будто рассказывает привычные вещи. Трудность с дыханием у меня превращается в удушье, расстегиваю куртку, чтобы улучшить свое состояние и сейчас замечаю ободранный правый рукав куртки. За него меня, вероятно, отбросили к дереву, хотя не помню, что волк меня именно схватил...

– Даже забавно – выбрали для стоянки Расщелину. Два часа хоть простояли или сразу пошли на "ужин"? – он усмехается, произошедшее его действительно забавляет, а мне все менее приятно находиться с ним рядом, – и откуда вы такие умные? До Северного города, я думал, всем известно, что у Расщелины – место Волков.

– Мы из Южного города... приехали их изучать. Нам сказали, что до них несколько миль на запад от нашей стоянки... – отвечаю, искренне не понимая веселья этого парня. Хочу взять под контроль свое дыхание – удастся, но не так быстро как мне хотелось бы.

– Пфф!.. эй, Кит! Слышал? Экспедиторы, значит, полезли к волкам – изучать. Теперь изучают их изнутри! – мне так

противно от его смеха, голова болит еще сильнее от голоса.

Не верю, что выжила одна. Этого не может быть. В первый же вечер...

– Я слышал несколько лет назад такие приезжали. Кажется, Мемфис из них даже, но может, слухи, – наверное, это некий Кит говорит, не могу посмотреть – держу голову руками, опираясь локтями в колени. Меня начинает мутить. В составе первой группы был Мемфис Вуд – он оставил послание для Эмили, он отец Клары. Пропал без вести, признан погибшим. Может это быть он? Он выжил?!

– Я Кит. Шикарно ориентируюсь по следам и могу точно сказать, в тот трехметровый сугроб ты не своими ногами пришла. А Бен, кстати, отлично стреляет. А ты, значит, ученая? Доктор? – кидаю быстрый взгляд – светловолосый парень подходит ко мне и Бенджи, видимо заинтересованный нашим разговором. Смотрит он с любопытством. Все остальные же притихли, наверное ожидая моего ответа.

– Нет, я не доктор, – слышу пополам радостные и разочарованные вздохи, после чего все снова отворачиваются, но видимо, не упускают нашего разговора. Девушка, которая дала мне воды, сочувственно смотрит на меня из своего угла, – А вы кто?

– Мы из Общины, – я ожидаю, что Кит продолжит, но парень, похоже, закончил свою мысль. Делаю вывод, что про Общину нам не ввали, и это не слухи... – Мы занимаемся охотой. Кстати! Инга! Дай ей поесть. Кто знает, сколько нам

еще ждать.

Кит садится передо мной на корточки, и мне приходится поднять на него взгляд.

– Забавная получилась охота. Не только дичь, но и девчонка... Симпатичная! Вот будет умора, если из города приведут страшнее. И стоило соваться в эту помойку, если немного в снегу покопаешься и найдешь красавицу.

Я не понимаю, о чем говорит Кит, но мне неприятно, на каком-то интуитивном уровне чувствую опасность.

Инга протягивает мне деревянную миску с ложкой.

– Это заяц. Вчера только поймали, – тихо говорит она и уходит. Замечаю, что на шее у нее металлический обруч как украшение. Если охота имелась в виду на зайца, то все не так плохо.

– Поешь, Инга хорошо готовит, – Бенджи так же не вызывает моего доверия, но деваться мне, некуда.

В миске вижу мясо, как сказали только что, – зайчатина, – и овощи.

– Бенджи, где мы сейчас? – аккуратно пробую рагу. Раз у нас что-то вроде беседы, попробую узнать все, что смогу. Еда действительно неплоха. А я ничего не ела с утра – пока расставляли палатки, потом ушли с Алексом смотреть на закат...

– Лесной домик, – кидаю на него красноречивый взгляд. Пусть еще скажет деревянный, – ну, мы правда так его называем. Примерно середина пути от Северного города до Об-

щины. Скоро придут те, кто отправлялся в город, и вместе двинем домой.

– Мне нужно в Северный город. Кто-то отправится обратно? – звучит как шанс. Еще не могу улыбаться, но чувствую надежду, выпрямляю спину, которая ноет. Если кто-то из группы и остался в живых, то он пошел в Первое поселение, связался со службой спасения, а оттуда – в Северный город. Одной мне не дойти, но с провожатым легко оказаться в цивилизации. Мне хотя бы до Первого поселения добраться...

Бенджи как-то странно ухмыляется, как делал это в начале нашего разговора, и не спешит мне отвечать.

– Красавица, тебя нашли во время Охоты, – говорит он наконец, глядя мне в глаза, – Ты теперь наша, – ожидаю, что его рука вот-вот опустится мне на колено, но этого не происходит – вероятно, потому что на них стоит миска с едой.

– Я не понимаю...

– Позже тебе объяснят, южанка.

Парень поднимается с лавки и, подмигнув, возвращается к группе мужчин за столом, оставляя меня в одиночестве.

Глава 5

Некоторое время сижу без движения, переваривая произошедшее, а когда кажется, про меня все забывают, ставлю тарелку на лавку, аккуратно поднимаюсь и иду к двери. Голову немного ведет, но придерживаюсь пальцами за стену и до выхода добираюсь благополучно.

Морозный воздух немного приводит меня в чувство. Выхожу во двор и оглядываюсь – мы в лесу, сейчас глубокая ночь, но, боюсь, даже днем я бы не поняла, где нахожусь. Делаю несколько шагов, питаю глупую надежду, что что-то узнаю, или именно в этот момент появится кто-то, кто поможет... Алекс... или любой из нашей группы.

– В целом, хочешь бежать – вперед, – слышу сзади голос Бенджи, который вышел вслед за мной, видимо, заметив мой побег, – ты свободна – весь лес твой! Хочешь – будь съеденной, хочешь – замерзни насмерть. Полная свобода воли.

У меня кружится голова, а горлу подкатывает тошнота. Не могу поверить, что оказалась в такой ситуации. И осознаю, что до конца не понимаю, в какой ситуации оказалась, весь масштаб бедствия. Делаю пару быстрых шагов в сторону, сгибаюсь пополам – меня тошнит в сугроб только что съеденным рагу из зайца.

– Далеко не убежишь, – парень констатирует факт, который я и так знаю. Опускаюсь на колени, и, зачерпнув снега,

прислоняю горсть к горящему лбу. Не могу дышать.

– Бен! Тебя зовут, – незнакомый голос приближается, но меня мало волнует, кто подошел, – снова тошнит, из глаз текут слезы, уже внутри все болит от спазмов, голова не перестает кружиться.

– Что у вас тут?

– И почему ты такой невезучий, Мартин? Твоя пара хочет сбежать и скопытиться. Ну, или в другом порядке, – не вижу, с кем он говорит, и ровным счетом ничего не понимаю. Хочу, чтобы голова перестала кружиться и начала думать, – сказал бы спасибо, что спас ее от верной смерти. Ты же заберешь ее?

– Заткнись, Бенджи... Виктория, я Мартин. Можешь встать? – мужчина аккуратно берет меня за плечи и помогает подняться, – у тебя сотрясение мозга, вернем тебя в дом.

Не могу и не хочу сопротивляться, понимая, что этот новый герой истории прав. Очень благодарна, что он не хватает меня на руки, а просто помогает идти.

Инга по просьбе Мартина дает мне еще воды, когда возвращаемся в дом. Сажусь на лавку и прислоняюсь к стене – постепенно все перестает кружиться, меня больше не мутит, но голова болит. Я недооценила силу, с которой меня приложило к дереву.

Как меня нашли? Я не могу быть единственной выжившей. Надо спросить у кого-нибудь. Делаю над собой усилие, чтобы подняться, но тут же накатывает тошнота.

– Тебе лучше посидеть спокойно или прилечь, – Мартин садится рядом, – моя сестра врач в Общине. Она тебе поможет. Отлежишься несколько дней и всё будет в порядке... Только сейчас не надо спать.

Мужчина выглядит очень сдержанным и спокойным. Одет как Бенджи, только выглядит лучше, не такой потрепанный.

– Почему Бенджи говорит, что ты меня заберешь? Что это значит вообще? – может, мне удастся уговорить его отвести меня в город?

– Не слушай его. Просто у меня не пары, он потешается над этим и что мне скоро тридцать пять лет, – сейчас могу рассмотреть его как следует: бледные голубые глаза, почти серые, светлорыжие волосы и брови такие же. Высокий лоб, квадратная челюсть, трехдневная щетина. От его ответа понятнее не становится, и я оставляю этот вопрос с непонятными парами.

– Как меня нашли? – не чувствую подвоха в его словах, как, например, с Бенджи, поэтому задаю следующий вопрос.

– Это Грэм. На Охоте он наша Приманка. Шел впереди и сверху увидел тебя на глубине в сугробе. Мы бы мимо прошли – далековато от лагеря ты была... Мне жаль твоих друзей, – последнюю фразу он произносит, глядя мне в глаза, и звучит вполне искренне.

– А кого? – хочу узнать, кого они еще видели, кого не взяли с собой...

– Двух женщин и наверное четверых мужчин, – Анна и

Томас, я их видела, а кто остальные? Мое воодушевление умирает в зародыше от уверенного, – других скорее всего растащили. Мы так поняли вас было около десяти человек.

– Двенадцать... – тихо поправляю я мужчину, еще не осознавая сказанного им. Растащили... Это значит разорвали на куски?

– Мне жаль... тебе повезло в любом случае, – в нем нет того злорадства, которое я встретила у Бена, Мартин просто констатирует факты, но довольно тактично.

В момент, когда я хочу расспросить, как выглядели люди, тела, которые они видели, дверь распахивается, и на пороге оказывается еще один молодой мужчина.

– "Городские" – просят согреть воды. Голодные как черти, – он снимает свою куртку, улыбаясь Инге, которая отвечает, что все готово к их приходу, а затем смотрит на меня, – хм, жива. Отморозила уши? – не могу понять его взгляда, под которым касаюсь сначала правого, потом левого уха, и отрицательно качаю головой.

– Значит, успел, – кивнув скорее сам себе, чем мне, он не присоединяется к мужчинам за большим столом, а идет в часть кухни. Видимо, это тот самый Грэм, который меня нашел.

– Грэм, – подтверждает Мартин то, о чем я догадалась.

Кареглазый блондин единственный, кто ведет беседу с Ингой – до этого не замечала, чтобы кто-то с ней разговаривал. Прикрываю глаза, чтобы легче перенести резкий бо-

левой импульс в голове, но задаю следующий вопрос: чем больше ответов я получу, тем спокойнее мне будет. Я должна понимать, среди кого нахожусь, кто заявляет, что теперь я "их".

– Что значит "он наша Приманка"? Вы охотитесь на волков... используя людей? – последняя фраза звучит для меня страшно, еще страшнее становится от ответа, а точнее, от спокойствия, которым от произнесен:

– Иногда да, – просто отвечает мужчина, – но сейчас мы охотились, чтобы в Общине было что есть следующий месяц. И да, за некоторую дичь приходится конкурировать с Волками. Грэм отвлекает их на себя, когда с ними сталкиваемся.

Если галлюцинации не могут совмещать в себе и звук, и видения, может все это оказаться бредовым сном? Может, я в коме?

– Не понимаю... – со вздохом произношу я, готовая расплакаться.

– Прости... Тебе сейчас лучше просто отдохнуть. В Общине тебе все объяснят лучше, чем я, – он оставляет меня в моем углу в одиночестве. Чтобы не провалиться в сон, стараюсь слушать мужчин, которые обсуждают неких "городских", снова слышу слова: "пара", "выбор" и "забрать". Кто-то рассказывает историю про Моник, с которой вместе уже пять лет.

– Тяжелый был день, – рядом приземляется Грэм. Он выглядит самым расслабленным среди всех, не вступает в бе-

седу мужчин за столом.

– Мартин сказал, ты заметил меня в снегу... Спасибо – сижу, прислонившись спиной к стене. Чувствую большую усталость, голова болит уже не только от удара, но и от количества новых людей вокруг меня, информации и звуков.

– Не надо благодарить, – парень говорит лениво, прикрыв глаза, – не люблю, когда забирают слова обратно. А эту благодарность ты точно заберешь.

Мне не ясны его слова, однако предпочитаю не спорить. Надо собрать больше информации, данных для анализа, когда буду к нему способна.

– Ты еще кого-то видел сверху? – смотрю на него с надеждой. Мягкие черты лица могли бы свидетельствовать о мягкости характера?

Какое-то время он молчит, а когда уже теряю надежду на ответ, то начинает говорить с неохотой.

– Несколько тел. Мужчины, женщины. Не стал спускаться – много крови, не хотелось тащить за собой след, плюс волки еще могли быть рядом. Не было уверенности, что ушли окончательно.

– А если там кто-то был еще живой? – сердце бьется часто, мне сложно сохранять спокойствие. Сейчас чувствую, что на глаза наворачиваются слезы, а подбородок дрожит. Можем вернуться туда прямо сейчас? Спасти еще кого-то...

– Глупо было рисковать жизнью. Тебе повезло – далеко отшвырнули и забыли. Упади рядом, я бы не полез. Никто бы

не полез. Съели бы заживо, как твоих... – Грэм продолжает говорить с закрытыми глазами, на меня не смотрит, поэтому украдкой вытираю с щеки скатившуюся слезу.

Моего Алекса съели заживо? Он мертв? Кэт... Майкл... Мысли снова возвращаются к Митчеллу. Нельзя было отпустить его одного... Нельзя было его отпускать.

Несколько глубоких вдохов и выдохов помогают взять себя в руки.

Я должна успокоиться. Если выжила я, значит где-то мог выжить и он.

Грэм больше ничего не говорит, и я не спрашиваю, Мне просто страшно узнать что-то еще. Пока что мне достаточно, похоже следующая моя остановка – Община. Посмотрим, что ждет меня там, а сейчас моя задача – не засыпать.

Скоро в доме становится еще более шумно – заходят человек двадцать, может, чуть больше – все они одеты как люди из Северного города. Ищу глазами хоть одно знакомое лицо – может, встретили по пути кого-то из моих, кому удалось сбежать? Но нет.

Создается впечатление, что все они здесь по своей воле – настроены воодушевленно, улыбаются. А главное – у них есть с собой вещи. Те самые люди, которые добровольно уходят из города за лучшей жизнью? Они – или такие как они – оставляли записки о том, что найдут свою пару, что начнут новую жизнь. О них по городу развешаны объявления о пропаже.

Все рады и приветствую вновь прибывших – Бенджи и Кит улыбаются, пожимают всем руки. Только Инга и Грэм не разделяют общего чувства. Девушка смотрит больше встревоженно, а парень абсолютно безучастно.

Меня клонит в сон... С большим трудом заставляю себя не закрывать глаза надолго, продолжаю слушать то, о чем говорят люди вокруг, но их теперь такое огромное количество, что до меня доносятся только обрывки разных фраз. Сосредоточиться и прислушаться к какому-то разговору не в моих силах сейчас.

– Конечно, найдешь – такая красивая...

– Быть в паре – самое главное в Общине.

– Нет, волки не нападают – внутри Общины – безопаснее места не найдешь...

– И для тебя, и для твоего сердца начнется новая жизнь.

Хор голосов превращается в мерный гул.

Если я закрою глаза, ненадолго, ничего не случится. Все говорят про пары... Бенджи говорил, про меня и Мартина... Какой бред...

– Виктория, пора идти, – кто-то касается моего плеча. Открываю глаза и вижу Мартина. Он помогает мне подняться на ноги.

Мы вместе выходим из дома, и он ведет меня на задний двор, там расположились сани, запряженные десятком собак, и доверху заложенные тушами животных. Двое заполнены сверх, а одни пустые.

– Я все устроил, пришлось распределить туши на две части, а не три, но зато ты быстрее получишь помощь.

Видимо, на свободной собачьей упряжке должна поехать я.

– Я не умею ими управлять, – отрицательно качаю головой, и это приносит мне новую порцию боли и головокружения. Меня пугает, что даже такое незначительное движение приносит дискомфорт – значит удар был очень сильным, а следовательно и восстанавливаться я буду долго.

– Я буду управлять. Тебе нужно сесть сюда. Обычно катаем так только детей, но ты сейчас как ребенок, – медленно двигаюсь к мужчине, чтобы не спровоцировать обморок. Аккуратно сажусь, замечая потеки крови, неприятный металлический запах. Совсем недавно здесь лежали туши мертвых животных.

– Стая ушла на запад, все должно быть чисто, – из темноты со стороны леса появляется Грэм, – поторопитесь.

Бенджи занимает место на подножке на вторых санях, подмигивает мне и сразу дает команду своим собакам двигаться. Мартин становится в управлении моих саней.

– Возможно будет не очень приятно, но нужно потерпеть. Важно как можно быстрее оказаться в Общине, – говорит мужчина, и по его знаку собачья упряжка начинает движение.

В другой день эта поездка доставила бы мне удовольствие – скорость, рассветное солнце, которое виднеется среди де-

ревьев, белоснежный снег. Но сейчас все мои силы уходят на то, чтобы удержаться в сознании и не выпасть из упряжки, особенно тяжело это удается на поворотах. Хорошо, что Мартин держит один темп и, насколько я поняла по дистанции от первых саней и тому, что нас обогнали третьи, не самый быстрый.

В конце концов закрываю глаза, чтобы сконцентрироваться на дыхании, подавить тошноту, которая возникает не только от движения, но и смеси запаха крови и мокрых собак. Кажется, эта поездка не закончится никогда. Уже согласна, чтобы меня оставили в ближайшем сугробе, лишь бы это прекратилось.

– Ты молодец! Продержись еще немного! – громкий голос Мартина заставляет вернуться в реальность. Сама не заметила, как начала отключаться. Поднимаю голову и киваю, боюсь открыть глаза – от мелькающих деревьев головокружение только усиливается. Решаюсь, только когда чувствую, что совсем замедлили ход.

На окраине леса – высокая стена из деревьев – насколько мне хватает зрения и сообразительности – могу понять, что на конце они заострены. Защита от волков. Поворачиваю голову в сторону и не вижу конца стены, уходит куда-то очень далеко.

– Добро пожаловать в Общину, – объявляет Мартин, когда открываются ворота, и мы медленно, вслед за другими упряжками заезжаем внутрь.

Я рада оказаться на твердой земле. И хоть сошла на снег, держусь за поручень упряжки – не доверяю своей координации, особенно после такой поездки.

Нас встречают несколько людей, которые рады добыче, рады возвращению своих людей и улыбаются мне тоже.

– Мартин! – к нам приближается девушка с точно такими же рыжими волосами, как и у моего сопровождающего, и точно такими же глазами.

– Это Мария, я про нее рассказывал, – девушка прекращает обнимать брата и смотрит на меня так лучезарно, что мне неловко. Не разделяю ее радости совсем, но нахожу в себе силы, чтобы назвать свое имя и слегка улыбнуться. Но не больше – боюсь, если открою рот, меня снова вывернет наизнанку.

– Ей нужно в лазарет, – слава Богу Мартин озвучивает это за меня.

Девушка тут же принимает серьезный вид и поддерживает меня. По дороге мужчина рассказывает, что я получила удар, и у меня все признаки сотрясения мозга – тошнота, головокружение, сложности с ориентацией в пространстве.

– Головная боль, – вставляю я, чтобы в меньшей степени чувствовать себя опекаемой. Еще могу говорить за себя, – и боль в верхнем отделе позвоночника.

– Сколько времени прошло? Сонливость? – Мы заходим в деревянный дом, похожий на тот, что был в лесу. Только зал этого поделен ширмами на несколько частей. За первой

же находится кровать, куда меня сажают.

– Сложно сказать по времени, часов 6-9. Заснуть мы ей не давали, – Мартин помогает сестре снять с меня зимнюю походную куртку. И забыла, какая она тяжелая – там столько полезных вещей, которыми я не успела воспользоваться. Без нее мне становится легче.

– Хорошо... Мартин, согрей воды, – командует Мария, когда мне пора снять брюки. В целом, я бы не стеснялась, так как под верхней одеждой у меня термо костюм, но не вмешиваюсь в процесс. Девушка щупает мой пульс на левой руке, дыхание, прислонив ухо к моей груди, заглядывает в глаза. В помещении она скинула меховую накидку, в которой была, и осталась в шерстяном платье и кожаном корсете поверх него. По сравнению с Ингой она выглядит богаче и говорит свободнее и смелее.

– Ауч, – не выдерживаю, когда она ощупывает мою голову.

– Прости... хорошая новость – череп цел, только шишка. Можешь снять кофту, я посмотрю спину?

Поворачиваюсь к Марии спиной и поднимаю кофту, морщась от боли, когда чувствую ее пальцы.

– Лопатка цела... плечо, ребра – тоже, – уверенно констатирует девушка, явно довольная результатом осмотра, – пока ложись, сейчас я вернусь.

Аккуратно опускаюсь на кровать, стараясь найти положение, в котором у меня не будет ничего болеть. Но как только нахожу, возвращается Мария с чашкой в руке, и мне прихо-

дится привстать.

– Это поднимет тебя на ноги быстро. Ничего такого, местные травы... – делаю глоток отвара, который сильно кислит.

– Спасибо... – делаю еще один глоток.

Девушка следит, пока я не допью до конца, забирает чашку и оставляет меня отдыхать, говоря, что я в безопасности и теперь могу поспать.

За ширмой слышу ее тихий разговор с братом. Она охает, когда узнает, что я из Южного города:

– Как Мемфис!.. Поверить не могу, что это снова случилось...

– Надо сказать господину Фостеру.

Дальше разговор становится неразборчивым. Цепляюсь сознанием за знакомое имя "Мемфис".

Мемфис Вуд действительно выжил пятнадцать лет назад. Он здесь, в Общине, и не знает, что у него есть дочь. С этой мыслью проваливаюсь в сон, которому не могу сопротивляться.

Несколько часов проходят в полузабытьи – то погружаюсь в кошмарный сон, где вижу окровавленный снег, то вырываюсь из него, не понимая, где нахожусь, тогда рядом оказывается рыжеволосая девушка. Вспоминаю, что она – Мария, сестра Мартина, который помог мне добраться до этого места на собачьей упряжке.

На следующее утро мне значительно лучше, но Мария не разрешает мне вставать, приносит еду, помогает дойти до

уборной, следит, чтобы я пила воду и кислый отвар.

Днем заходит Мартин – тихий и деликатный, шумно вваливается Бенджи, однако моя "сиделка" сразу его выпроваживает – кажется, большой симпатии к нему она не испытывает. Возможно кто-то еще заходил, пока я спала.

– Мария, в Лесном домике, – не буду признаваться, что подслушала разговор, – кажется, Кит говорил, что у вас живет в Общине Мемфис, что он из экспедиции, которая была пятнадцать лет назад?

– Да... Мемфис появился у нас почти как ты, – Мария садится на стул рядом и говорит с теплой улыбкой, – он стал моим мужем.

Сажусь на кровати, маскируя вздох от информации, вздохом от боли в спине при движении.

– Могу я поговорить с ним? – мне НУЖНО поговорить с ним. Если он прожил здесь пятнадцать лет... почему не вернулся? Почему не дал о себе знать? Он не знает о Кларе... Должна ли я сказать ему о Кларе?

– Конечно! Он будет рад встретить кого-то из своих мест. Только сначала тебе нужно встретиться с главой Общины – господином Фостером, – Мария улыбается, и я рада, что она не возражает разговора со своим мужем. Признаться, в полубреду, зная, что здесь есть человек из Южного города, крутилась мысль взять его в союзники, чтобы вернуться домой. Я бы убедила его, я бы сказала ему о Кларе. Но зная теперь, что у него здесь Мария... наверное, и дети есть?

– Как приятно, когда девушки говорят о тебе... надеюсь, что-то хорошее, – на пороге лазарета появляется мужчина лет пятидесяти. Карие глаза цепко осматривают меня и мои немногочисленные вещи. Сажусь еще ровнее на кровати и спокойно смотрю на господина Фостера в ответ.

– Виктория, как ты себя чувствуешь? – он снимает свою шубу, передает ее Марии, которая встала его встретить, и садится рядом со мной на место, которое до того занимала девушка. Он уже знает, как меня зовут, значит доложили и обстоятельства, при которых я сюда попала.

– Господин Фостер... Мне лучше. Спасибо, – если он здесь глава, значит с ним можно будет договориться о том, чтобы попасть в Северный город.

– Мария у нас лучшая. Ее мать передала ей замечательные навыки и знания врачевания. У Мартина тоже много знаний, но ему не нравится сидеть на одном месте, – тон у Фостера покровительственный, снисходительный, действительно здесь господин и хозяин.

– Он прекрасный охотник, – отзывается Мария. Слышу в ее голосе волнение и страх?

– Это правда. Благодаря его стараниям, мы будем сыты долго. Передай ему мою благодарность... Только вопрос с его парой все еще открыт. Время на исходе, мне бы не хотелось терять одного из лучших моих людей, – девушка ментально меняется в лице, уже не сдерживая страх. Оказывается, она боится за брата. Мужчина не обращает на нее

никакого внимания, полностью переключаясь на меня.

– Прости, дорогая, официальное знакомство с новыми членами Общины сегодня, жаль, ты не попадаешь на него – ты еще слаба. Пришел поприветствовать лично. Хочу заверить тебя, что здесь ты в полной безопасности. Набирайся сил, познакомиться со всеми до следующей луны ты успеешь... О нас тебе лучше всех расскажет Мемфис, мне сказали, что ты как и он из Южного города. Какое печальное повторение истории... Я сочувствую твоему горю. По любым вопросам можешь обращаться ко мне. Каждый знает, где меня найти... Как хорошо, что ты попала к нам во время охоты. В другое время погибла бы в лесу, – на последней фразе он встает и выходит. Успеваю только кивнуть, но на меня и не смотрят.

– Мария? – окликаю девушку, которая замерла, глядя в пол.

– Да, прости, я просто задумалась... Я позову Мемфиса. Если господин Фостер сказал, что он должен тебе о нас рассказать, лучше сделать это побыстрее, – она накидывает свою шубу и буквально выбегает из лазарета.

Пока остаюсь в одиночестве, дохожу до туалета, умываюсь, собираю спутанные волосы в хвост. Здесь нет зеркала, поэтому не могу оценить свой внешний вид, количество петухов оцениваю просто на ощупь. Хотелось бы выглядеть прилично перед единственным выжившим членом первой экспедиции. Он в своем роде мой кумир...

Слышу шум в зале, кто-то пришел, поэтому спешу выйти встретить Мемфиса Вуда. Впервые за две суток я чувствую воодушевление, мне столько с ним нужно обговорить! Столько у него узнать!

Однако на входе стоит только Мартин. У его ног два больших походных рюкзака членов моей группы. Сердце начинает биться сильно-сильно.

– Мартин? Вы нашли кого-то еще? Привели? – жду, что сейчас следом за Мартином кто-то зайдет. У меня трясутся руки и все внутри, потому что один из рюкзаков точно принадлежит Митчеллу.

– Мы вернусь похоронить тела, сегодня было безопасно, – глубоко дышу, ведь мои глаза наполняются слезами, так что кровавые потеки на рюкзаках растекаются сильнее, – к сожалению, подтвердилось – никого больше из выживших кроме тебя... мне жаль... – отворачиваюсь от мужчины, уже не в силах сдержать слезы. Не слышу, что говорит Мартин дальше, это становится неважным, – Решили, что какой-то из них может быть с твоими вещами...

Когда захлопывается дверь, не сдерживаюсь и рыдаю в голос.

Это все... это конец...

Никто не выжил.

Ни Алекс, ни Кэт, ни Майкл.

Анна и Томас, Джеймс и Линда, Питер, Ханна, Марк, Эмилия.

Я одна.

Глава 6

Остаток вечера проходит в слезах, которые я просто не могу контролировать. Каждый брошенный взгляд на окровавленные рюкзаки заставлял сердце болезненно сжаться. Казалось, не могу даже дышать.

В конце концов Мария закрыла мою кровать ширмой и дала мне какой-то успокоительный напиток, после первого стакана, я быстро уснула.

Просыпаюсь с больной головой, только сейчас понимаю, что это не последствия удара, а от слез. Еще у меня от них же горят глаза. Хочу лежать целый день, укрывшись одеялом и плакать... Но, к сожалению, я не дома.

– Доброе утро... – ко мне аккуратно заглядывает Мария.

Я должна была поговорить с Мемфисом вчера, но оказалась не в состоянии... Даже не помню, заходил он в итоге или нет. Кажется, плакала сидя на полу, когда девушка аккуратно помогла мне перебраться на кровать.

– Привет, – мой голос чуть хриплый, стараюсь чуть улыбнуться, чтобы не быть с ней грубой.

– Мемфис с утра ушел, дети в саду, мне было не с кем... может, ты позавтракаешь со мной? – она такая тихая, деликатная. И хитрая. Молча киваю ей и иду в туалет, лишь на миг задержавшись взглядом на рюкзаках. Выдыхаю, запрещаю себе плакать и следую запланированному маршру-

ту. Мне бы, конечно, душ не помешал, чтобы смыть с себя последние три дня, постоять под горячей водой... Но судя по тому, что я успела понять по этой Общине – водопровода и электричества у них нет. Нужно будет спросить у Марии, как я могу помыться. Хотя, вещей у меня нет...

Но они есть в рюкзаках. И там есть кольцо.

Воспоминание вызывает очередной поток слез. Я не выдержу столько плакать, я не выдержу всего этого... смотрю наверх, прикусив нижнюю губу, чтобы не издавать звуков и не волновать Марию, которая, если ей верить, даже позавтракать не смогла. Нужно взять себя в руки, иначе она снова даст мне снотворное, а мне нельзя пропускать еще один день.

Через пару минут вытираю слезы, умываюсь – к слову, такое устройство, когда вода льется, когда снизу нажимаешь выступающий клапан, вызывает у меня интерес. Получается, все что нужно, это вовремя добавлять воду в этот чан, только она будет холодная. Не может быть, чтобы они все мылись в холодной воде, и так же мыли детей... Мария сказала о детях – значит, у Мемфиса здесь дети... Мысли снова возвращаются к Кларе, которая в Ююжном городе осталась одна. Последняя мысль чуть было не рушит мое хрупкое спокойствие, но я еще раз умываюсь холодной водой, выдыхаю и держу себя в руках.

К моменту, когда выхожу, не знаю, сколько точно прошло времени, сколько я была в своих мыслях, но Мария уже накрыла завтрак на двоих на небольшом столике и ждет меня,

не притрагиваясь к еде.

– Спасибо, – благодарю я. На тарелках у нас каша, свежий хлеб, масло и сыр, которые, как я уже узнала, делают местные жители в Общине. Какая-то одна семья держит коз и делает сыр и масло, другая печет хлеб – вместе и для всех. Если я правильно поняла, это девиз Общины. Но не исключая, моя голова, сильно ударившись о дерево, могла запомнить информацию неверно.

– Мне жаль, что... – начинает девушка, но прерываю ее.

– Не надо, Мария. То есть, спасибо, но не сейчас. Я еще... – замолкаю, чтобы вернуть самообладание. Ее душевность и жалость только вредят сейчас, не смогу поесть, а мне нужны силы, чтобы восстановить здоровье и уйти отсюда.

– Хорошо, я поняла. Тогда о другом, – девушка кивает и говорит уже тоном, в котором нет жалости или сочувствия – просто спокойный разговор, – насчет просьбы господина Фостера, сегодня поговоришь с Мемфисом?

О чем я должна была поговорить... хотела об экспедиции, точно.

– Про Общину и наши правила, – напоминает Мария, не услышав моего ответа, – еще, я думаю, он сможет тебя понять, он же тоже...

– Да, хорошо, – киваю быстрее, чтобы ей не пришлось озвучивать предложение полностью. Он как и я остался один выживший. Но еще были Кларк и Джонсон... Это меня вдохновляет, раньше не думала об этом! Кларк и Джонсон дошли

до Первого поселения, а значит, шанс есть...

Придется расспросить Мартина подробнее о том, кого они похоронили. Рюкзак Митчелла может ничего не значить... Цепляюсь за эту мысль с надеждой.

– Да, я обязательно сегодня с ним поговорю! Только у меня есть просьба

– где я могу принять душ? Не душ, просто помыться? Теряю человеческий облик, – немного улыбаюсь, как бы и пытаясь шутить, и извиняясь за свой вид. И запах.

– Конечно, – она понимающе мягко улыбается, – это второе, о чем я хотела с тобой поговорить. Поскольку чувствуешь ты себя уже хорошо, восстанавливаться будешь все равно постепенно через спокойный режим, тебе нет необходимости быть в лазарете постоянно. Хочу предложить тебе пожить в нашем доме. Он большой, рассчитан на две семьи, но Мартин холостяк, поэтому одна из комнат совершенно свободна. Бонусом скажу, что и баня у нас своя...

Мария поясняет, что не все могут отстроить себе большие дома, какой есть у них с Мартином (он достался их от родителей, которые в свою очередь получили его от своих). Тогда люди ходят в "общую баню" или некоторые называют "купальней".

– Конечно, личные удобства подкупают, – я улыбаюсь, – спасибо, Мария. Я приму твое щедрое предложение.

– Ничего оно не щедрое, – девушка довольно улыбается, – мне будет приятно иметь собеседницу в доме с одними муж-

чинами – у меня сыновья-близнецы – иногда кажется, что с ума можно сойти... Так что приготовься, у нас шумно и не всегда чисто. Может случиться так, что тебе захочется сбежать – но не бросай меня! – она смеется, а я понимающе улыбаюсь в ответ.

Я благодарна Марии, что она готова принять меня в своем доме, тем более, что у меня будет своя комната.

– Ты одевайся, я отнесу посуду и попрошу Мартина помочь с вещами. Не вздумай взять на себя эти рюкзаки – тебе сейчас нельзя напрягаться, – наказывает девушка не так чтобы строго, но внушительно. Собственно, я и сама знаю, что после сотрясения мозга очень важно соблюдать покой, чтобы последствий было как можно меньше. И спина еще болит... Что сказать, я сейчас совсем не в форме – ни моральной, ни физической.

Одеваю свой зимний костюм, куртку. Достая из кармана сломанный ХИС. Из другого – электрошокер. Нажимаю одновременно на две кнопки по бокам и слышу треск. Приятно, что он работает. Вспоминаю волков, которых видела ночью на поляне у наших палаток. У них очень густая шерсть, шокер через нее не достанет. Только если в грудь и живот – там всегда шерсть мягче и короче...

От размышлений меня отвлекает Мартин, который неловко здоровается, и откуда я знаю, что он внешне и тоном извиняется за то, что стал причиной моего вчерашнего срыва? Он высокий и крупный, поэтому легко берет два рюкзака.

– Привет, – говорю я, давая понять, что он-то уж точно не виноват в произошедшем. По-хорошему я должна была бы его поблагодарить...

– Мария готовит для тебя комнату, отправила меня проводить.

– Спасибо, Мартин, – убираю шокер, который все еще держала в руке, в карман и поднимаюсь с кровати. Застегиваю куртку и готова выходить.

Когда идем по улочкам Общины, стараюсь не отставать от мужчины, но мне очень интересно все вокруг. У них все из дерева! Колодец, домишки бревенчатые. Какие-то совсем небольшие на один этаж, какие-то на два, есть совершенно простые, а есть украшенные резьбой.

– Здесь наш центр, – говорит Мартин, когда выходим к круглой площади, – а это, – он указывает на высокий тотем в центре, – Белая Волчица.

– Ваше Божество? – делаю справедливое предположение я.

– Нет, – он улыбается, взглянув на меня, – Богов не увидишь, а Белую Волчицу некоторые видели. Она мать всех волков, очень мудрая. Встретишь ее – она подарит тебе свои знания, если окажешься достойным. Если у тебя черное сердце – съест сразу же! – последние слова он говорит громко и зловеще, обращаясь к кому-то за моей спиной. В тот же момент слышу детский визг – оказывается, не одна я слушала историю.

– Дети обожают эту сказку... – Мартин улыбается, когда малышня разбегается, – на самом деле, наши предки, когда ушли сюда жить, понимали, что заняли территорию Северных волков. Таким образом, – мужчина кивает на тотем, – они просто отдали им дань уважения. Хотя, конечно, с этим связано много разных мифов.

Дом Марии и Мартина находится прямо на центральной площади, только с противоположной стороны от дорожки к лазарету. Когда пересекаем площадь, я останавливаюсь у Белой Волчицы, рассматривая, как детально вырезана морда, которая кажется мне устрашающей...

А история бы очень понравилась Кэтрин... Она бы на ее основе написала свой собственный роман...

– Виктория? – зовет меня Мартин, который своими длинными ногами успел порядочно отойти от меня, пока я застряла у местного тотема. Спешу присоединиться к своему проводнику, стараясь не смотреть на рюкзаки, которые он несет на своих плечах.

Мы подходим к старому, но крепкому дому. В нем два этажа, большие окна – не представляю, какая должна быть печь, чтобы отопить его. Наверное, будет холодно... А впрочем, здесь всегда и везде холодно. Когда поднимаемся по ступенькам крыльца, мои ботинки немного скользят по обледенелой древесине – придерживаюсь за перила, чтобы не упасть и не заработать еще одно сотрясение, поверх предыдущего.

– Извини, не успел сегодня посыпать крыльцо песком. По-

кажу тебе комнату и сделаю – не хватало, чтобы кто-нибудь убился... – Мартин открывает дверь и пропускает меня вперед.

Небольшая прихожая отделена от основного дома дверью, которая открывается раньше, чем я успеваю подойти к ней – на пороге улыбается Мария.

– Видела вас из окна! Проходи, – она делает шаг назад и передо мной открывается небольшой коридор, который заканчивается лестницей на второй этаж. Слева я вижу небольшую кухню с большим столом, большую печь, которая повернута камином к части комнаты с лавками. Справа от лестницы еще дверь – Мария открывает ее и показывает мне, что здесь можно будет помыться: небольшая деревянная купель и еще одна печь, раза в два меньше той, что я видела в зале слева.

Меня провожают на второй этаж – Мария рассказывает, где комната ее, Мемфиса и детей, где Мартина и моя. Получается, дом поделен условно на две части, одна сторона отдана семье Вуда, другая брату его жены и будущей его семье. Все продумано грамотно.

Моя комната выходит окнами на площадь, вижу профиль Белой Волчицы, а вдалеке могу видеть стену, которая окружает Общину.

– Мартин сейчас принесет воды, немного времени нужно, чтобы она согрелась, и я тебя позову, – девушка выходит, оставляя меня в одиночестве, прикрыв дверь. Сажусь на дву-

спальную кровать, которая занимает большую часть комнаты и осматриваюсь. Как и в этом "мире", здесь все из дерева. Деревянная кровать, деревянный стульчик, деревянный столик. Взгляд падает на две рюкзака у входа, которые молча оставил Мартин.

У меня начинают гореть и наполняться слезами глаза. Не могу поверить...

Чтобы занять себя, выдыхаю, снимаю куртку и сажусь на пол перед рюкзаком Алекса. Открываю его, стараясь игнорировать кровавый потек спереди и сбоку на ткани. Мне нужна рация. Аккуратно достаю вещи, запасной термо костюм – не могу не прислонить к своему лицу хотя бы на минутку и не вдохнуть родной запах.

– Родной... – взглянув на потолок, сильно запрокинув голову, запрещаю себе плакать. Пока не выяснила, кого конкретно они хоронили, я не буду оплакивать Александра Митчелла. Просто не буду. Отказываюсь.

Коробочка с кольцом, которая вновь попадается мне, все-таки заставляет меня заплакать. Он так и не подарил мне его... Открыть его, заглянуть внутрь у меня нет сил, поэтому просто откладываю. Сделаю это позже.

К сожалению, рации в первом рюкзаке не нахожу, поэтому обращаюсь ко второму.

Понимаю, кому он принадлежит, когда вижу среди содержимого легкий шифоновый сарафан.

– Анна... – перед глазами сразу появляется видение из той

ночи – у нее стеклянный взгляд, очки разбиты, на животе большая рана, которая обнажила внутренние органы...

– Мне так жаль... – откладываю легкую ткань, которая уже не пригодится никому, и продолжаю изучать вещи. Рации так же не обнаруживаю, к своему огорчению, но нахожу две тетради – одну пустую, вторую с записями, которые Смит начала вести с первых минут экспедиции, грелки для рук, две шоколадки, предметы женской гигиены, расческу, крем для лица, сменный комплект одежды.

Размер Анны мне не подойдет, поэтому придется позаимствовать у Алекса – да, будет великовато, но зато не треснет на мне по швам. Не долго думая, беру и зубную щетку. Ситуация безвыходная, а мы с ним были практически одно целое. Сердце пропускает удар, когда в предложение встает слово "были", но отгоняю от себя эти мысли. Достаточно прорыдалась для первого шока. Сейчас надо привести себя в порядок и строить план, чтобы выбраться отсюда.

Жду не дождусь вернуться и рассказать Митчеллу, что брала его щетку. За всю нашу жизнь такое бывало раза два, он тогда сильно бесился. Думаю, в этот раз он меня простит быстро.

Бодрюсь этими мыслями и даже чуть улыбаюсь, когда в дверь легонько стучат:

– Виктория? Там все готово, – Мария не заходит, не открывает дверь – мне это нравится. Значит, в этом доме у меня действительно будет свое пространство. Пусть и ненадол-

го, но мне это необходимо.

– Спасибо, я иду, – проявляю вежливость и не кричу через закрытую дверь, а открываю ее. И, прихватив нужные вещи, иду за девушкой-лекарем, которая предупреждает меня, что париться мне нельзя, лежать в горячей воде тоже нельзя из-за травмы головы, и что если через двадцать минут я не выйду, ей придется зайти, чтобы убедиться, что я не потеряла сознание.

В ванной – а я не могу называть эту комнату иначе – Мария еще раз просит меня не запира́ть дверь и оставляет меня. Здесь я вижу зеркало и подхожу к нему, оставив чистые вещи на лавке у входа. На то, чтобы понять, что девушка в отражении действительно я, мне приходится потратить несколько секунд. Спутанные грязные волосы в хвосте с петухами, припухшие воспаленные красные глаза, на щеке и на лбу какие-то царапины – даже не знаю, когда их получила, – обветренные бледные губы...

– Ладно... это временно... – раздеваюсь и оглядываю свои синяки на теле. Меня будто избили дубинкой, а сверху спины особенно жутко смотрятся равномерные синяки вдоль позвоночника – впервые вижу, чтобы позвонки так отпечатались... Мне повезло, что ничего не сломала. Крупно повезло.

Из всех отметин отличается одна особенно ярко – прикасаюсь к пальцами засосу у левой груди, который оставили любимые губы, и грустно улыбаюсь. Если он выжил где-то

там, и мы встретимся, буду всегда-всегда разрешать ему так делать...

Стук в дверь раздаётся, когда я подкатываю на себе рукава у термо костюма Алекса, в который забралась после мытья. Выгляжу, наверное, странно, особенно по местным меркам, но мне нравится, что одежда чистая и чувствовать парня рядом. Если закрыть глаза, можно представить, что он меня обнимает.

– Уже выхожу!

Мое отражение после ванны гораздо лучше – нужно только высушить волосы и расчесать, и я буду практически похожа на Викторию Райсс. Очень хочется спать. После травмы еще не восстановилась и слишком много переживаний быстро отнимают у меня силы. Но не могу позволить себе пропустить еще один день – сегодня точно нужно поговорить с Мемфисом.

Мария предлагает мне с чаем сесть у камина в большой комнате, чтобы не простыть. Ее заботливость и предусмотрительность списываю на то, что она врач, а я, как ни крути, продолжаю быть ее пациентом. Меньше всего хочу доставлять еще больше неудобств Марии и ее семье своей простудой, поэтому, конечно, быстро располагаюсь рядом с камином, укрываюсь предложенным пледом из овечьей шерсти. Но еще волнуюсь, что простуда отсрочит мое возвращение домой.

Я должна быть здоровой и сильной, чтобы как можно

быстрее уйти в Северный город. Пара дней, и никакое головокружение не будет беспокоить меня по утрам, а значит, можно начать и тренироваться, и планировать уход. К разговору с господином Фостером я должна быть в форме.

Не знаю, сколько проходит времени, меня поглотило созерцание огня в камине и собственные мысли с редкими слезами, но волосы у меня совсем сухие, когда Мария, которая дала мне остаться наедине с собой, говорит, что видит Мемфиса с детьми.

– Мальчики идут! – она спешит ко входу, чтобы встретить мужа и сыновей, а я отчего-то резко начинаю волноваться. Встаю со стула, убираю на него плед – не знаю, мне тоже идти за девушкой или остаться ждать здесь?

Все-таки выхожу в коридор. Мария сидит на корточках и обнимает двух пятилеток с рыжими волосами как у нее, а в дверях стоит мужчина, у которого пока нет возможности раздеться. Он очень изменился с последней фотографии, постарел, немного пополнил, у него теперь борода, но я точно узнаю того самого Мемфиса Вуда, о котором читала в детстве. Поверить не могу, что вижу человека, которого пятнадцать лет все считали погибшим. Родные похоронили его, а он – здесь.

– Кларк, Майкл, поздоровайтесь, это Виктория, она наша гостья и будет жить с нами, – Мария, видно, гордится своими сыновьями, когда те вежливо и послушно со мной здороваются. Улыбаюсь им в ответ и машу рукой, чем как будто бы

смущую – смотрят они на меня немного настороженно.

С улыбкой на меня смотрит мужчина в дверях. Мы с ним не были знакомы раньше, но наверное, сам факт, что я из Южного города, что мы коллеги, мы из одного мира, сильно нас роднит. Чувствую, что хочу его обнять и расплакаться, но сдерживаюсь, пока Мария не увела мальчиков умываться, делать этого точно не стоит.

Когда пространство в коридоре освобождается, Мемфис идет ко мне – в глаза сразу бросается его сильная хромота на правую ногу, в руке у него трость, котрая помогает ему идти. Он протягивает мне руку, и я сразу делаю несколько шагов вперед и пожимаю протянутую ладонь.

– Мемфис Вуд, – представляется он, глядя на меня с такой теплотой, что глаза у меня наполняются слезами, – Первая экспедиция Южного города в Северный лес.

– Виктория Райсс, – голос у меня дрожит, потому что и внутри все тоже дрожит, эта встреча из разряда фантастики, – Экспедиция Южного города в Северный лес.

– Очень приятно, Виктория. Как бы не сложились обстоятельства, я рад, что ты здесь, – он отпускает мою ладонь и гладит по локтю. Кажется, это жест утешения. Делаю вдох и киваю. Хочется показать себя взрослой и профессиональной, а не несдержанной маленькой плаксой.

– Давай присядем, нам есть, что обсудить.

Наскоро собираю волосы в пучок, чтобы и самой быть собраннее, когда мы садимся с краю длинного стола. На другом

конце Мария кормит Кларка и Майкла, поэтому нам никто не мешает разговаривать.

– Позволишь мне первому спросить? Как Киллиан и Магнус, – он чуть понижает голос, – они добрались до города?

Меня очень удивляет его вопрос, почему именно о них? Моя романтическая душа ожидала бы услышать вопрос об Эмилии Холл...

Отрицательно киваю головой, и рассказываю то, что знала о судьбе Кларка и Джонсона.

– Значит не смогли... – искра, которая загорелась в его глазах, становится тусклее. Пару секунд он молчит, но потом снова смотрит на меня с надеждой.

– Может, ты знаешь Эмилию Холл? Она не смогла пойти с нами, сломала ногу.

– Профессор Холл возглавила нашу экспедицию. Ее сын Майкл тоже был с нами, – это мужчина рад услышать. Он улыбается и отмечает, что она никогда не сдавалась. Наверное, осознание приходит к нему не сразу, лицо мрачнеет:

– Что случилось с твоей группой?

– Мы без проблем добрались до Северного города, дошли до Первого поселения – сообщили на станцию спасения. Потом прошли на запад до Ущелья. По моей информации, на следующее утро мы должны были продвинуться несколько миль на северо-запад, где установить точки наблюдения за волками, но... – то как бодро я начала буквально рапортовать о нашей экспедиции меня саму впечатляет, однако чем

ближе в истории к той страшной ночи, тем сложнее мне владеть собой.

– После захода солнца на вас напали... – продолжает за меня Мемфис, а я не сдерживаюсь и плачу.

– Все... они все... – Мемфис Вуд обнимает меня за плечо, позволяя плакать столько, сколько мне нужно. Он прошел тоже самое, он понимает мою боль, и от этого мне было легче. И, как оказалось, быть плаксоёй совсем не стыдно.

– Простите. Простите, Мемфис, – усилием воли я заставляю себя успокоиться. Смогу продолжить после, у себя в комнате. Сейчас нужно взять себя в руки, – расскажите, что произошло с вами? Когда первая экспедиция пропала, это было шоком, мы до сих пор можем только гадать, что произошло.

– Вы повторили в точности нашу историю. Это было глупо, но мы были доверчивы к местным... Я, Киллиан Кларк, Магнус Джонсон – нам удалось спастись в ту роковую ночь, пару дней бродили в лесу, пока не встретили людей из Общины. Здесь нам помогли... – говорил Мемфис тихо, неспешно. Наверное, он давно похоронил в себе события пятнадцатилетней давности и совсем не хотел их вспоминать.

– Почему вы не вышли на связь? – задаю вопрос, который волнует. Ведь если из Общины можно подать знак, то все узнают, что я тут... Почему так не поступил Вуд?

– Радиосвязь здесь под запретом. Это еще одна ошибка, которую мы совершили. Волков привлекают радиоволны.

Максимальная дальность – Первое поселение. За ним пользоваться рациями просто опасно.

Эта информация меня поражает. Пользовался ли кто-то из группы рациями в Ущелье?.. Возможно...

– Но... почему никто нам не сказал? Ведь все знали, и служба спасения...

– Они говорят, что ты должен выйти на связь в Первом поселении. А дальше... А еще они боятся. И в Северном городе, и здесь... Не удивлюсь, если место в Ущелье нам показал на карте один и тот же человек... – Мемфис замолкает, смотрит на жену и детей.

Мысль, что кто-то намеренно мог отправить нас на смерть меня шокирует и кажется неправдоподобной, но совпадение между двумя историями с разницей в пятнадцать лет действительно есть.

– Боятся? Нас?

– Что наша экспедиция обернется успехом. И мы захватим именно Белую Волчицу... – закончить ему не дает Мария, которая все это время была занята детьми, но, судя по всему, разговор наш все равно слышала.

– Мемфис, ты должен рассказать Виктории про Общину. Она теперь с нами, – слышу в ее голосе и беспокойство, и сталь. Мне все равно, как она разговаривает с мужем, но на мой взгляд слишком уверенно она произнесла фразу, касающуюся меня. Я не с ними.

– Да, Мария, мы сейчас дойдем до этого, – ласково и успо-

каивающе говорит Вуд. Он поднимается и, хромя, идет к полке с посудой. Мария сразу улыбается и теплеет, когда по пути мужчина целует ее в макушку, затем делает нам две кружки чая. Немного волнуясь, как он донесет две чашки сразу, но мужчина справляется.

– Про Общину, – благодарю Мемфиса за чай, когда он ставит передо мной кружку, – ей около ста лет. После военных испытаний, когда эксперимент вышел из-под контроля и стали появляться самые первые северные волки, несколько семей, убежденные, что в дальнейшем все будет только хуже, будут появляться новые животные – более опасные, которые пойдут вниз в город, пришли сюда. Они верили, что отказ от техники, от использования радиоволн, как пример, позволит им жить в мире с волками, и они будут в безопасности.

Обхватываю руками теплую чашку и слушаю рассказ, не перебивая мужчину. История Общины мне очень интересна.

– Господин Фостер, ты его уже встречала, потомок одной из первых семей Общины. Когда-то они взяли на себя управление, и Община не только выжила, но и процветает.

Как же любопытно, почему Вуд не ушел? Кларк и Джонсон пришли сюда вместе с ним, но остался только Вуд. Из-за ноги? Решаю, что смогу понять это позже. В конце концов, может разгадка дальше – Мемфис очаровался местным укладом жизни в отдалении от цивилизации?

– Жить здесь не так просто, поэтому очень важна наша сплоченность. И следование правилам, – продолжаю внима-

тельно слушать мужчину, – Каждый должен приносить пользу Общине. Жить ОДНОМУ тяжело, и поэтому есть еще правило: каждый должен найти себе пару, с которой создаст семью и проживет до конца. Предельный возраст для женщины, чтобы создать пару – 30 лет, для мужчины – 35 лет. Если к этому возрасту пары нет... мм... такое карается.

Новый факт об Общине меня удивляет, но он же проливает свет на разговоры Бенджи о Мартине и его паре, Господин Фостера про время... Брата Марии как-то покарают.

– А если не можешь? Если здесь нет твоего человека, а тебе 30 лет? или 35 и ты мужчина, – задаю резонный вопрос. Не думаю, что все это меня касается, я же уйду из Общины, но мне 29 лет и совсем скоро мой день рождения.

– Община растет, новые люди приходят примерно каждые полгода. Жить в месте, где у каждого есть пара, где царит любовь и забота, измены крайне редки – звучит привлекательно. У всех одна цель, поэтому, редко происходит, чтобы кто-то не нашел себе пару к сроку. Но если так случается, что пары нет, а время подошло – человек становится Приманкой.

Про Приманок мне рассказывал Мартин – действительно страшное наказание. Господин Фостер сказал, что не хочет терять одного из своих лучших людей...

– Грэм, который нашел меня, мне сказали, что он Приманка... Но он не выглядит на 35.

– Стать Приманкой – это наказание. Воровство, измена,

использование вещей, которые способны привлечь волков, не закрыть ворота – это все наказывается понижением твоего ранга до Приманки, – продолжает рассказывать и объяснять мне Мемфис.

Меня интригует слово "ранг", получается, есть несколько? Но и персона Грэма выглядит любопытной.

– Что же он сделал?

– Грэм... – со вздохом произносит Мемфис его имя, – Грэм у нас уникальный случай – он стал Приманкой добровольно.

Глава 7

– Может быть вы прерветесь на еду? – предлагает нам Мария. Мы не отказываемся, но продолжаем нашу беседу.

Мемфис рассказывает мне, что люди, которые приходят из города, делают это добровольно и затем посильным трудом помогают Общине. Об Общине узнают благодаря слухам и, так называемой "охоте", примерно раз в полгода несколько членов Общины идут в город, чтобы привести новых людей. У тех, кто пришел из город, как правило, самая сложная работа. Когда они находят себе пару, то через пять лет, становятся полноправными членами Общины.

Таким образом, составить пару побыстрее – главная цель у всех.

Самое лучшее положение у коренных жителей, которые родились в стенах Общины. Мартин и Мария как раз к ним относятся – их предки одними из первых пришли в Общину.

– Для чего Общине Приманки? – конечно, Мартин мне что-то рассказывал в том лесном домике, но, боюсь, что не поняла до конца от шока.

Мемфис вздыхает и чуть поджимает губы, видно, эту часть истории ему не очень приятно рассказывать.

– Здесь... когда идет Охота, Приманка должна отвлечь на себя волка, чтобы группа могла забрать дичь, могла продолжить Охоту и вернуться в полном составе, – это, значит, мне

Мартин, объяснил верно. Но кажется, что-то еще есть, ведь Мемфис продолжает:

– Еще есть экспедиции. Да, иронично, они тоже ходят и куда чаще, чем мы, – думаю, удивление на моем лице читается очень легко, – Господин Фостер, не могу сказать, что одержим, – на этом слове Мария громко кашляет, делая мужу замечание, – у него есть идея, что если захватить двух-трех волчат, то будет возможно воспитать свою собственную стаю. Жить станет еще безопаснее. И регулярно группа выходит, чтобы найти логово – в таком случае Приманка исполняет свою роль... Приманки. Ведь добычу волк отнесет детенышам.

У меня на затылке волосы становятся дыбом:

– Но это же натуральная казнь! – перед глазами сразу появляется видение огромной окровавленной морды.

– Стать Приманкой – это наказание. И иногда наказание – смерть, – Мемфис кивает. Смотрю ему в глаза, и не верю, что этот человек согласился остаться в таком месте. Обвинение так и вертится на языке, но что-то его глазах меня останавливает. Спокойно спрашиваю:

– Почему вы не ушли?..

Мемфис отрицательно качает головой, отказываясь отвечать:

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, – вместо прямого ответа на вопрос говорит мужчина, – но нужно учиться на ошибках других, – он поднимается со своего места, дважды

стучит тростью об пол и замолкает на несколько секунд.

– Для Киллиана и Магнуса все закончилось плохо. Одна история уже повторилась в самом ужасном сценарии, не нужно допускать повторения второй, – стуча тростью, сильно хромая, он уходит. Медленно поднимается по лестнице, вскоре я слышу шаги на втором этаже, а потом все замолкает. Только дети играют у камина, Мария собирает посуду.

Вот, что Господин Фостер хотел, чтобы я узнала? Что у меня один вариант – остаться в Общине?

Магнус был ранен, Киллиан умер по пути в Больницу Северного города.

Как мне?... Здесь все решает Господин Фостер...

– Виктория, позволишь дать тебе совет? – я не готова принимать советы, но не успеваю остановить девушку, в моей голове слишком много мыслей, – тебе очень повезло. Прими этот шанс на жизнь. Выбери себе пару и живи с нами.

Киваю, принимая совет, и прикрываю глаза.

– Спасибо, Мария... И за ужин, и за совет... Я пойду наверх. Очень хочется спать, – медленно поднимаюсь со стула, чтобы не выглядело бегством с моей стороны.

– Конечно! У тебя должен быть постельный режим, – она провожает меня до лестницы, прося детей быть потише.

Конечно, я хотела поговорить еще с Мартином, но он до сих пор не вернулся, а у меня на сегодня закончились силы. Нужно собрать информацию, которая у меня появилась, чтобы ничего не упустить.

В комнате зажигаю свечу и беру пустую тетрадь Анны. Записываю тезисно:

Община – Жители – Горожане – Приманки

1) Горожане – Пара – Жители

2) Жители – >30/35 – Пары нет – Приманки

3) Приманки – Смерть

4) Киллиан, Магнус – Уход из Общины – Смерть

Ложусь на кровать, чувствуя, как болит голова, в висках пульсирует.

Мемфис Вуд пошел по первому пути. Он жив, практически здоров, семья, дети – о том, что он жив, его родные не знают, о том, что у него есть дочь не знает он сам. Стоит ли ему говорить?...

Четвертый вариант называю "Уход Киллиана-Магнуса" – он меня больше всего прельщает, правда его завершение нельзя никак назвать успешным... Нужно собрать больше данных. Кто-то же уходил из Общины, верно? Да, горожане приходят добровольно, но кто-то же наверняка не хочет продолжать жить в Общине? Допустим, ни у кого "Уход Киллиана-Магнуса" не увенчался успехом, но я могу подготовиться и добиться успеха.

Назовем его "Уход Киллиана-Магнуса-Райсс". Для подготовки нужно время... На днях мне 30... Но никто об этом здесь не знает! И это мой шанс. Никогда бы не подумала, что стану одной из тех женщин, которые скрывают возраст, вычитают пару-тройку лет.

У меня нет сил на придумывание плана, поэтому переключаясь с кровати на стул, бархатная коробочка ложится на столик. Смотрю на нее несколько секунд и, резко выдохнув, открываю.

– О, Алекс... – на меня смотрит самое идеальное обручальное кольцо на свете: белое золото, по кругу узор, а в центре небольшой бриллиант прямоугольной формы, который ложится вдоль ободка. Достаяю его и надеваю на безымянный палец – и размер идеальный.

Каждый раз, думая о кольце здесь в Общине, я не знала, смогу ли надеть его, плакала, что придется делать это самой, что это должен был сделать Алекс, не знала, смогу ли я. Но сейчас, глядя на свою руку, на кольцо, обретаю невероятную уверенность.

Во-первых, Алекс Митчелл жив. Чувствую это всей собой.

Во-вторых, помимо вранья о возрасте, я скажу, что уже замужем и не могу искать себе пару здесь.

Со вторым аргументом я пойду к господину Фостеру. Если есть те, кто ходят в Северный город, значит, по его приказу меня могут туда отвести.

С такими благостными мыслями, задуваю свечу и ложусь спать.

Ночью мне снится кошмар, в котором я стою посреди центральной площади Общины, прямо перед тотемом, лицом к Белой Волчице. Меня окружают жители. Понимаю, меня

приговорили к казни. В страхе озираюсь, но никто не придет мне на помощь. Когда вновь поворачиваюсь к тотему, деревянная морда оказывается прямо передо мной, огромного размера, и я проваливаюсь в глубину черной пасти.

Чувство падения резко будит меня. Мне очень холодно и сильно бьется сердце.

Во сне раскрылась, замерзла, оттуда и кошмар, успокаиваю я себя.

Завернувшись одеяло, подхожу к окну, чтобы взглянуть на деревянный тотем, который напугал меня во сне. Ночь светлая, тихая, а Белая Волчица стоит неподвижно так же, как и должна, в центре круглой площади.

– Ты не съешь меня, слышишь? – шепотом обращаюсь к ней.

Мне кажется, уже совсем успокоилась, но сердце сжимается от страха, когда замечаю, движение на улице. От дома слева отделяется тень человека. Я совсем не ожидала, что кто-то будет бродить по Общине в такой час. Когда фигура выходит в центр площади, узнаю в ней Грэма.

Мужчина, который стал Приманкой добровольно... Он смотрит тотему в глаза и стоит не шелохнувшись. Задаюсь вопросами, почему он здесь в такой час? Почему добровольно стал Приманкой?

Возможно он чувствует мой взгляд, поэтому поворачивает голову именно к моему окну и делает резкий шаг назад, когда замечает меня. Делаю предположение, что могла напу-

гать его. Поднимаю правую руку ладонью вверх, и извиняюсь, и приветствуя, и желая доброй ночи одновременно. Чуть помедлив, парень поднимает руку в ответном жесте и стоит глядя уже на меня. Когда мне становится неловко чуть улыбаюсь и делаю взмах рукой, чтобы он уходил. И Грэм снова копирует мой жест. Фыркаю и улыбаюсь уже искренне. Не собираюсь превращать это в игру "ты первый, нет, ты первый" и отхожу от окна в сторону. А когда парой секунд позже возвращаюсь, чтобы посмотреть, ушел ли он – площадь абсолютно пуста.

Возвращаюсь в кровать и засыпаю, стоит голове коснуться подушки, не успеваю даже ответить себе на вопрос: действительно ли на площади кто-то был?

Остаток ночи проходит без сновидений, поэтому с утра я даже чувствую себя полной сил. Обстановка дома, пусть и чужого, влияет на меня лучше, чем лазарет.

Когда подхожу к окну вижу, что жизнь в Общине кипит, хотя, судя по солнцу, до разгара дня еще пара часов – примерно, насколько я могла ориентироваться.

На площади довольно много людей: кто-то гуляет, кто-то общается, дети затеяли игру – по рыжим волосам сразу определяю Майкла и Кларка, – Мария играет с ними. Девушка стоит у тотема, закрыв глаза, а сзади к ней подбирается малышня. Как только она поворачивается к ним – они замирают.

Красивая картина. Умиротворяющая. Остаться с ними, и

вот так же играть на площади?..

Сжимаю руку в кулак и смотрю на кольцо на безымянном пальце. Не знать, что произошло с Алексом? С Кэт? Не увидеть больше родителей, Южный город и океан?

На все эти вопросы у меня был только один ответ: "Нет".

Приведя себя в порядок, спускаюсь вниз, прихватив тетрадь Анны и карандаш. Нужно записать все, что скажет мне Мартин о тех, кого похоронил. Чем больше времени проходит, тем хуже его воспоминания, а здесь может быть важна каждая деталь, чтобы я поняла, кто это был...

Внизу на столе тихо потрескивает камин – подкидываю туда дровишку, а на столе тарелка, накрытая другой и записка, в которой Мария приветствует меня и просит не пропускать завтрак. Нужно подумать, чем я могу отплатить ей за доброту. Кажется, мне и предложить ей нечего...

Омлет с овощами еще теплый и правда вкусный. Отмечаю это, чтобы затем поблагодарить девушку, специально делаю пометку в голове, потому как мысли больше заняты другими вопросами. Сполоснув тарелку в специальном мойнике, сажусь за стол, открываю тетрадь и записываю:

"2235 год 1 месяц 21(?) день"

Приходится действительно напрячься, чтобы посчитать день, какой-то мог выпасть из-за травмы. Решаю уточнить позже у Мартина или Марии и продолжаю:

"Экспедиция Главного университета Южного города в Северный лес.

Цель – изучение Северных волков в естественной среде обитания.

Состав группы:

Эмилия Холл, Джеймс Навелс, Линда Паркер, Марк Джонсон, Питер Грин, Ханна Мур (ранена, возможно погибла), Анна Смит (погибла), Томас Смит (погиб), Кэтрин Торрес, Майкл Рейнс, Александр Митчелл, Виктория Райсс (жива)".

Нос предательски щиплет, когда ставлю знаки вопроса напротив имен людей, о судьбе которых ничего не знаю. Часто моргаю, чтобы не расплакаться и слышу, как сверху, судя по ритму, спускается Мартин. Из-за трости походка Мемфиса в доме была легко отличима от других.

– Доброе утро. Не помешаю? – мужчина чуть улыбается и проходит на кухню. Он в кожаных брюках и хлопковой рубашке с небольшой шнуровкой.

– Доброе утро. Конечно, нет, это же твой дом, – провожаю его взглядом, невольно задумываясь, почему он дошел до критического возраста без пары? Тактичен, добр, вежлив, хорошо сложен, симпатичное лицо... В чем же тогда дело?

– Я хотела поговорить с тобой, сможешь уделить мне время после завтрака?

Он мягко смеется низким грудным смехом:

– Когда тебе женщина говорит такое, аппетит резко пропадает. Шучу, – Мартин садится напротив меня, – я не завтракаю, так что можем поговорить.

Он открыто смотрит мне в глаза – просто и прямо. Чтобы не доводить паузу до неловкой, излагаю ему суть вопроса.

– Я точно видела смерть двоих, но мне нужно узнать, кого вы еще похоронили... позавчера? – мужчина кивает о времени, и, вздохнув, говорит мне, что им удалось найти в ущелье несколько тел. По описанию сразу понимаю, когда он говорит про Анну и Томаса. С сожалением, ставлю точки напротив их имен.

– Была еще одна женщина. Такие светлые волосы. Не как у тебя, темнее, но не сказать, что темные, – Мартин хмурится.

Сжав зубы, пишу напротив Линды Паркер: "погибла". Они с Джеймсом не успели пожить вместе... А мы не успели пожениться... Останавливаю свои мысли и прошу Мартина продолжить.

– Бенджи нашел еще человека... Я не рассматривал сильно, это был мужчина, – сердце пропускает удар, ловлю каждое следующее слово, боясь узнать в описании Алекса, – темные волосы, черные. Кудрявые, – мысленно выдыхаю, понимая, что это не мой Митчелл, и корю себя, ведь это или Питер, или Марк.

– А телосложение? – вижу перед собой два образа мужчин. Когда Мартин говорит, что найденный был худощав, как сам Бенджи, пишу напротив имени Питера Грина: "погиб".

Определенность должна была сделать мою реальность легче, но по факту мне становилось тяжелее.

– Кто-то еще?..

Мартин загибает пальцы, вспоминая. Для него, наверное, тоже так себе воспоминания. Хотя, не думаю, что он сильно страдает, ведь вырос в обществе, где людей в наказание отдают на съедение волкам...

– Сейчас... мм... Еще один темноволосый мужчина был. Хотя, там голова так сильно в крови была, что не скажу точно про цвет. Куртка голубая, тебе о чем-то скажет? – утвердительно качаю головой и пишу: "погиб" напротив имени Марка Джонсона.

– Еще были только фрагменты тел, мне кажется... Возможно Бенджи добавит конкретики, – Мартин с сожалением смотрит на меня. А я же искренне благодарю его.

Мой список теперь выглядит по-другому:

Эмилия Холл – пропала во время первой ночи экспедиции

Джеймс Навелс – пропал во время первой ночи экспедиции

Линда Паркер – погибла

Марк Джонсон – погиб

Питер Грин – погиб

Ханна Мур – пропала во время первой ночи экспедиции, ранена

Анна Смит – погибла

Томас Смит – погиб

Кэтрин Торрес – пропала во время первой ночи экспедиции

ции

Майкл Рейнс – пропал во время первой ночи экспедиции
Александр Митчелл – пропал во время первой ночи экспедиции

Виктория Райсс – жива"

– Спасибо, Мартин, ты правда помог, – откладывая карандаш, ставлю локти на стол и беру голову в руки.

Это ужасно. Я ужасный человек, но правда рада, что ни в одном описании не было ни Кэт, ни Алекса. Это внушает мне надежду.

– Последний вопрос, и я от тебя отстану. Где я могу найти Бенджи? – массирую себе виски и смотрю на мужчину. Конечно, видеть узкое лицо того циничного человека удовольствия мне не доставит, но поговорить с ним нужно.

– Сегодня вечером у нас сбор в трактире – такие вечера обязательны к посещению, скоро церемония выбора, так что сможешь найти там всю Общину, – он внимательно смотрит на меня, так же как и в начале разговора.

– Мемфис рассказал мне о ваших правилах, но ничего об обязательных сборах или церемониях...

– Вечера сбора проходят несколько раз в месяц – Община просто... отдыхает, веселится, танцует. Люди узнают друг друга. А на церемонии выбора объявляются пары, новеньким раздают знаки отличия. Иногда, кто-то делает заявление для всех, иногда Господин Фостер устраивает рынок, так называемых, невест и женихов, если объявляется мало

пар, – Мартин замолкает. Через два месяца ему исполнится 35 лет...

– Я замужем, – показываю ему кольцо на безымянном пальце. И страшно волнуюсь, что была слишком демонстративной, и мою ложь видно.

– Многие бегут в Общину от несчастливых браков, мужей-тиранов, поэтому Господин Фостер не считает это препятствием. Община важнее и главнее города, – говорит Мартин, впервые опустив глаза вниз, – Я прошу тебя... – такое начало фразы заставляет меня волноваться еще сильнее. Чувствую, как начинают гореть щеки, а сердце пропускает удар, прежде чем забиться быстро-быстро.

– Не нужно меня жалеть, – понимаю, что помимо остальных качеств, он еще и гордый. Мне становится спокойно от его просьбы.

– Я не буду, Мартин, – отрицательно покачав головой, заверяю мужчину, что жалости моей он не увидит. Могла бы сказать, что вообще не собираюсь участвовать в каких-то церемониях, но считаю, надо вести себя аккуратно.

Он улыбается, услышав ответ, и поднимает на меня взгляд:

– Кстати, а сколько тебе самой лет? Может, это мне нужно пожалеть тебя? – мужчина приподнимает одну бровь, я бы даже сказала, игриво. Это заставляет меня смеяться:

– Двадцать семь. Мне двадцать семь лет, – за улыбкой и смехом я прячу ложь. Если правильно посчитала даты, то

мой день рождения уже завтра...

– Ц, я по-прежнему в менее выигрышном положении, – легко говорит Мартин, откидываясь на спинку стула, чуть раскачиваясь на двух ножках.

– Может, все-таки попросишь сжалиться? – шучу я, закрывая тетрадь, – Я могу проявить доброту.

– Ну, уж, нет, – он приятно смеется.

С улыбкой вздыхаю, чувствуя облегчение от того, что со стороны этого рыжего добряка нет... каких-либо посягательств или давления. Потому как подсознательно я его чувствовала, но оказалось, это только игра моего воображения.

Мария с детьми возвращается, когда мы еще продолжаем смеяться.

– О, болтаете? Приятно слышать, – она улыбается и отправляет мальчиков мыть руки к обеду.

Поскольку с Мартином мы уже закончили, предлагаю свою помощь девушке с едой.

– Ты же сказал, что не завтракаешь? – уточняю, когда брат Марии ставит перед собой тарелку.

– Ну, да. Но обедать – обожаю, – он улыбается и подмигивает.

Похоже, все семейство проснулось гораздо раньше меня... Мне немного неловко, но моя травма головы – мое оправдание.

После обеда Мария укладывает мальчишек на дневной сон, а у нас есть возможность немного поболтать. Девушка

замечает кольцо у меня на пальце, и я рассказываю, что один из рюкзаков, которые принес Мартин, принадлежал моему мужу.

– Мы были вместе в экспедиции, – она сразу меняется в лице, ей неловко, что она спросила.

– Мне жаль...

Мария говорит, что если мне хочется, я могу рассказать о нем – перед глазами сразу возникает лицо Алекса: квадратная челюсть, острые скулы, острый подборок, прямой нос – мы смеялись, что он идеальной треугольной формы, – тонкие губы, которые расплываются в открытую и веселую улыбку, с ямочками на щеках. Чистые серо-зеленые глаза...

Думаю, Мария хотела бы услышать о нем, ей интересно, но я, смахнув предательскую слезу, перевожу тему: прошу рассказать о сегодняшнем вечере. Она говорит, что несколько раз в месяц в трактирах – а их в Общине два – собираются все молодые люди, в особенности те, у кого нет пар. Они общаются, танцуют, еда и напитки за счет господина Фостера.

Спрашиваю, могу ли я пойти сегодня? Если удастся поговорить с главой Общины и с Бенджи – убью двух зайцев сразу.

– О, это замечательная идея! Сможешь познакомиться с другими людьми, господин Фостер будет рад тебя увидеть... надо только найти тебе платье... – Мария закусывает щеку с внутренней стороны, раздумывая, – Времени не так много, но синее должно тебе пойти, разве что в груди может быть

маловато... Сейчас, я сейчас.

Она убегает в свою комнату, а меня же совсем не волнует вопрос платья. Я иду туда не развлекаться и не знакомиться.

– Вот, примерь. Сегодня все будут смотреть только на тебя... Уложим тебе волосы – положу щипцы к огню. Как же здорово иметь в доме еще одну женщину! – Мария начинает перемещаться по дому в таком восторге и скоростью, что это вызывает у меня пусть и слабую, но улыбку.

Она столько для меня сделала, постараюсь приободриться и не расстраивать ее.

Корсетное платье с длинной юбкой и рукавами цвета скорее морской волны, чем синее, напоминает мне о доме. О воде залива, волнах океана, как выходили на лодке далеко за горизонт... Я так грезил снежными далями, большую часть своей жизни, а теперь оказалась заперта в этом холоде среди незнакомцев. Вздыхаю и понимаю, что все-таки в груди платье маловато. Приходится распустить немного шнуровку спереди, но вид получается просто непристойный. Вырез сзади демонстрирует несколько синяков по позвоночнику. Вывод получается тот, что меня радует, – платье сегодня вечером противопоказано.

– Ну, как? – Мария аккуратно заглядывает в комнату, она вся светит любопытством, и я с сожалением, не вполне искренним, демонстрирую свое бедственное положение. Общая длина, длина рукава – хороши, прекрасно село в талии. Но вот верх...

– Катастрофа, – говорю и внутри морщусь, потому что настоящая катастрофа произошла вечером в лесу несколько дней назад и унесла жизни моих друзей.

Девушка смотрит на меня, снова закусив щеку с внутренней стороны, что-то обдумывая. Кажется, у нее есть план...

– Не беда! У меня есть ткань, сделаю вставку за шнуровкой, будет красиво! А спина... – она поворачивает меня к себе боком, – скроем твоими волосами. Мы их распустим, присоберем у лица... Просто очаровательно! – надо отдать ей должное, Мария не сдастся и не пасует перед трудностями.

Немного командным тоном, она велит мне раздеться и отдышать перед вечером, а сама берет платье и убегает над ним колдовать.

Что-то мне подсказывает, что здесь у нее или нет совсем, или очень мало подруг... Как бы я хотела видеть Кэтрин рядом. Что бы она сказала, глядя на меня с расшнурованным корсетом спереди? Точно придумала бы какую-нибудь красивую метафору к сочетанию "портовая шляха". Потом она захотела бы такое же платье, и мы бы смеялись до колик, потому что ее бюст совсем не поместился бы в корсет.

Как мне ее не хватает.

Вечер идет точно по плану Марии – у нее выражение лица как у человека, который получил то, что хотел и сделал все сам. Платье теперь сидит на мне и вправду идеально. Волосы уложены так, что у меня открыто лицо и не бросаются в

глаза синяки на спине. Девушка даже нашла для меня кожаные ботиночки на каблуке со шнуровкой. Я улыбаюсь и даже чуть прищуриваю глаза, чтобы улыбка была и в них, но внутри меня все хочет плакать. Не должна я так хорошо выглядеть сейчас, когда половина моих друзей мертвы, в другая неизвестно где.

– Выглядишь чудесно, – говорит Мартин, когда мы спускаемся с его сестрой со второго этажа, и делает мне только хуже.

– А я?! Сестру бы тоже похвалил! – Мария в платье подобном моему, только терракотового цвета, который очень идет ее волосам, и корсет на ней сидит жестче. Если бы не знала, ни за что бы не догадалась, что у этой девушки двойня. Возмущается она не серьезно, потому что явно довольна реакцией своего брата на меня – что тяготит меня и заставляет чувствовать некоторую тревогу, – и получает комплимент от мужа, стоит ей поставить вторую ногу со ступеньки на пол первого этажа.

– Господин Фостер будет рад увидеть тебя, – Мемфис одаривает меня улыбкой, но серьезным взглядом. Отмечаю про себя, что эту фразу за сегодня слышу уже второй раз, – выглядишь, совсем как девушка из Общины.

Выходим парами из дома, мне приходится взять Мартина под руку, чтобы нигде не упасть, когда на пороге дома появляется Инга. Я рада встретить знакомое лицо, но девушка, кинув на меня испуганный взгляд, быстро скрывается в ком-

нате у близнецов.

– Инга сегодня присмотрит за малышами, – объясняет мне мой сопровождающий. Когда я задаю еще вопрос о ней, узнаю, что Инга – работница Общины, пришла из города три года назад и за это время она никого не выбрала себе в пару.

– Разве тогда она не должна быть сегодня на вечере, чтобы... общаться? – чуть хмурюсь от досады: кажется, только разобралась в правилах Общины, и вот какое-то исключение.

– Ну, как тебе сказать... – Мартин мнется, поэтому за него продолжает Мемфис:

– Она отказала тому, кому не следовало, – очередной серьезный взгляд на меня заставляет поежиться, – теперь расплачивается.

Что мне точно известно про Общину – каждый мой выбор может оказаться в их глазах неверным. И тогда меня ждет наказание – это Мемфис дал понять неоднократно.

Глава 8

Местный трактир, один из двух, представляет собой большой двухэтажное здание. Уже на подходе к нему я слышу музыку, шумные разговоры и смех. Мария рассказывает, что на втором этаже живет хозяин с семьей, на первой большой зал для гостей и кухня.

– Алкоголь у нас в основном местный, многие делают настойки, – от девушки узнаю, что на больших собраниях разливают вино из Северного города, которое предоставляет только господин Фостер.

– Но если знаешь правильных людей, его можно достать и в обход главы Общины, – делает замечание Мартин, подмигнув мне, на что его сестра настойчиво просит не портить меня, поскольку вино из Северного города, своего рода, контрабанда, если есть у кого-то помимо главы.

– Настойки ей не даются. На чем бы ни делала – все ужас, – понижая голос, говорит мне мужчина, чтобы не услышала сестра. Пока не знаю, что делать с этой информацией, но решаю запомнить, на всякий случай.

В большом зале трактира шумно и весело, вечер в разгаре, когда мы заходим, привлекая внимание. К стене отставлено несколько столов со стульями, а центр освобожден для танцев. В углу обустроились музыканты, в арсенале у них бубен, барабан, труба, хотя не уверена, как конкретно этот

духовой инструмент называется, флейта. Что меня больше всего удивляет – я слышу еще скрипку. Взгляд выхватывает брүнета, у которого сейчас главная партия.

– Это Паскаль, – говорит Мария, замечая мой взгляд, пока Мартин убирает нашу верхнюю одежду, – Паскаль Фостер. Он сын господина Фостера.

Вопрос, который возник у меня про занятия музыкой и скрипку, тут же отпал. Паскаль – местный принц. Однако, ярлык, который успела повесить на парня, приходится снять, когда выясняется, что в обычной жизни он кузнец.

– Играет для души и людей... Ему тоже двадцать семь лет и пары нет, – я уже привыкла к манере Марии в описании каждого человека в конце добавлять обязательно возраст и статус. Меня начинает раздражать обязательное упоминание двух главных параметров оценки местных жителей, но воспринимаю как данность. В конце концов, я здесь гость, и скоро мне не придется это слушать.

– Для кузнеца Паскаль искусный скрипач, – отмечаю, полагая, что работа парня требует больших сил, руки и пальцы должны быть натруженные и мозолистые, а играет же он на профессиональном уровне.

– Но для скрипача – не самый искусный кузнец, – неожиданно звучит у меня над ухом. Вздрагиваю и смотрю на того, кто так смело нарушил мое личное пространство. И это Грэм.

– Привет, южанка, – он осматривает меня медленно и вни-

мательно, с досадой замечает синяки на спине, но никак не комментирует.

– Привет, Грэм. Все так же не примешь благодарность? – делаю небольшой шаг назад, чтобы увеличить дистанцию между нами. Он не спешит дать мне ответ и приветствует Марию, Мемфиса и Мартина.

– Если будешь держаться этой троицы, может, и приму, – наконец говорит парень, и отходит от нас. Идет к Паскалю, что-то шепчет тому на ухо, от чего музыкант фыркает с улыбкой, и занимает место в противоположном углу. Скрипач заканчивает свою мелодию и кидает на меня быстрый взгляд, который сразу отводит, стоит нашим глазам встретиться.

Когда вслед за Грэмом в зал заходит стайка девушек, шепча его имя, Мария, закатив на них глаза, предлагает отойти подальше, а лучше поприветствовать господина Фостера, если он уже пришел. Пока рыжая девушка ищет глазами главу Общины, пытаюсь найти Бенджи, которого пока нигде не видно.

Тем временем мелодия сменяется, и в центр зала выходят мужчины, среди которых вижу знакомых мне Грэма, Паскаля, Мартина, узнаю Кита. В последний момент в круг врывается Бенджи, втискиваясь между двумя мужчинами.

– Это традиция – сейчас танцуют все свободные парни. Во втором трактире происходит тоже самое, но здесь всегда больше всего зрителей: приходят ради Паскаля, – объясня-

ет мне тихим голосом Мария, – и Грэма. Хотя ему пара не нужна, он вызывает большой интерес.

В ее голосе слышу неодобрение. За это время успела понять ее, поэтому мне предельно ясно, чем конкретно она недовольна. Вместо того, чтобы выбрать ее брата, которому нужна пара и отношения, свободная женская половина ода- ривает вниманием того, кому они совсем не нужны, кто вы- брал жизнь Приманки и рискует погибнуть чаще остальных.

Могу понять и девушек – есть в этом какой-то азарт, пленить самого свободного мужчину в Общине. Близость смер- ти, свобода от правил, необходимости быть с кем-то отлича- ла Грэма от всех остальных. Более того, это было видно по каждому его движению, которыми и я, признаюсь, залюбовала- лась. Он не пытался привлечь внимание, не старался понра- виться, в отличие от других. Он просто был собой, позволял себе быть... настоящим, что делало его ярче всех. И это в самом деле привлекало. Ловлю себя на том, что, как и доб- рая половина зала, не могу оторвать от него взгляд и слежу за каждым движением, когда слышу досадно произнесенное:

– Виктория, только не ты... – с улыбкой смотрю на Ма- рию, давая понять: нет, я не пала под очарованием Грэма, но факты надо уметь признавать.

– Он правда красиво танцует. Видна страсть, – объектив- но говорю я, следя уже за рисунком танца мужчин в целом.

– Найди хоть что-то, что он делает плохо или без страсти, и мы сразу дадим тебе звание почетного жителя Общины, –

девушка рядом, которая представляется Софией, кидает на меня оценивающий взгляд. И, даже не скрывая пренебрежения к моей персоне, отходит.

– Какое-то время назад они были вместе, – шепчет мне Мария, – но потом он неожиданно добровольно стал Приманкой, вместо того, чтобы сделать их отношения официальными. Прямо перед всем городом. К несчастью для нее, отпустить Грэма она не смогла, – она вздыхает и отрицательно качает головой, провожая девушку взглядом.

Мои брови удивленно взлетают вверх. Вот это любовная драма.

– А почему Грэм стал Приманкой? – чувствую, что сейчас самое время для этого вопроса. Если бы он не мог найти пару и сделал этот шаг от отчаяния, но я бы не поверила, видя, какой эффект он производит.

– Хочет оставаться вечным холостяком, – говорит Мемфис, участвуя в нашей беседе. Невольно задумываюсь, как же ему приходилось танцевать с его-то ногой, когда он был свободен? Наверное, ему сделали исключение, и они так и сблизилась с Марией, когда тихо беседовали в уголке? Почему-то картина у меня рисуется такая. Или Мария выжила его с ранением, и так они сошлись?

– Это официальная версия. Есть еще другая, – девушка предлагает нам присесть за освободившимся столиком, и мы удобно располагаемся: мне видны и входная дверь, и танцы жителей. Сейчас важно не упустить Бенджи, чтобы не искать

его потом по всей Общине.

– Мартин рассказывал тебе про Белую Волчицу? Есть легенда, что если встретишь ее, она подарит тебе свою мудрость, если ты достойный человек. В другой интерпретации – она подарит тебе свою силу, и ты станешь волком, но не потеряешь и человеческую жизнь, – мне очень интересно слушать это сказку, но не уверена, верит ли в нее сама Мария? – Грэм с детства хотел ее встретить, мечтал об этом, многие над ним смеялись. Став Приманкой, его шансы увеличились. Некоторые считают, что он уже ее встретил. Так как быть в Статусе Приманки два года и продолжать быть живым?... Я не говорю, что невозможно, но очень к тому близко.

Вуд фыркает, видимо точно зная, на какой стороне его жена, и посмеиваясь на ее мнением и верой. Перекинувшись с ним взглядами, прячу улыбку за бокалом вина, который держу в руках. Мы с Мемфисом ученые. Мы знаем, что невозможно превращение одного вида в другой и обратно. Боюсь быть грубой, поэтому не спрашиваю, происходит ли "обращение" Грэма в полнолуние? Хотя с моей точки зрения вопрос не грубый, а веселый.

– Кх-оборотни, кх, кх, – коллега прячет за кашлем слово, которое крутилось у меня в голове. Улыбаюсь, когда Мария со вздохом отрицательно качает головой. А потом грозит Мемфису встречей с Белой Волчицей, которая непременно откусит ему голову.

– Да? А может, это ты – Белая Волчица? – улыбается уже

в открытую мужчина и разрешает жене съесть его хоть целиком сегодня ночью, чем очень ее смущает.

Я с улыбкой отворачиваюсь. Мне и приятно, и горько наблюдать эту картину. Очень хочу снова увидеть Алекса...

– У тебя глаза на мокром месте – я так ужасно танцевал? – к нам подходит Мартин, когда мелодия очередной раз сменяется, а мужчины расходятся. К своему стыду, на моего сопровождающего я не посмотрела ни разу.

– Вовсе нет, ты был хорош, – похоже, врать войдет у меня здесь в привычку, – я сейчас.

Встаю с места, уступая Мартину стул и пробираюсь через толпу к столику в противоположном углу, за которым сидит Бенджи, Кит и еще какие-то парни. Они замолкают и удивленно смотрят, стоит мне подойти.

– Привет.

– Привет, южанка, – мне не нравится, как он рассматривает меня в платье, но приходится смириться, – а ты действительно красивая. Чем обязаны?

– Можно тебя? На пару слов, – игнорирую улюлюканья, которые раздаются сразу после моего предложения. Если они тут все повернуты на построении отношений, то у меня совсем другие заботы. Остаюсь стоять, всем видом демонстрируя, что не уйду, не поговорив с парнем.

– О, так ты серьезно, – Бенджи удивленно отставляет свое пиво в кружке и поднимается на ноги, становясь напротив меня, – танец. Тогда я весь твой.

В зале сейчас танцуют парами, вроде бы не что-то специальное, потому просто пожимаю плечами, и вкладываю руку в его протянутую ладонь. Под какую-то волну шепота, он выводит меня в центр.

– Еще ни одна девушка не дарила мне свой первый в Общине танец, – говорит Бенджи, становясь напротив меня. Одной рукой он держит мою, а вторую кладет мне на талию. Не скажу, что сильно удивлена его словам. Определение, которое бы первое я ему дала, это – "скользящий". У него даже ладошки потные, – какое открытое проявление симпатии. Приятно.

– Я не приглашала тебя на танец, – на всякий случай решаю прояснить природу наших отношений, – я хотела поговорить.

– О своих чувствах ко мне? – он усмехается и подмигивает, а я же вздыхаю и отвожу взгляд, – пойми, в Общине самое главное то, что на виду, на поверхности. Ты прошла через весь зал ко мне, и вот мы уже танцуем, – сделав небольшой шаг назад, он поднимает руку и поворачивает меня вокруг своей оси, – все видели это. Значит, это и правда.

Смотрю на Марию и по ее лицу, застывшему в недоумении, понимаю, что Бенджи не врет. Могу предположить, что она была бы рада, танцуй я с кем угодно, только не с ним. Что ж, мне все равно, ведь я в их игры не играю.

– О чем ты хотела поговорить? – спрашивает Бен, и я излагаю ему суть вопроса точно так же, как утром Мартину.

Поразительно, но на его лице разочарование. Неужели подумал и правда, что вопрос будет личного характера? Смешно.

– Необычная ты девушка, конечно, – комментирует он, и описывает все, как было в Ущелье, когда они пришли хоронить тела моих друзей. В какой-то момент мы останавливаемся, и я отвожу его в сторону от танцующих пар. Слушаю его крайне внимательно, приложив руку к солнечному сплетению, чтобы сдерживать дрожь, держать себя в руках. Его рассказ не сильно отличается от того, что я услышала от Мартина. Разница только в подбираемых словах и определениях – тактичности, эмпатии Бенджи учиться и учиться. Отгоняю от себя кровавые картины, так красочно описанные парнем, благодарю его и ухожу к своему столику.

– Первый танец с Бенджи?! Виктория! – кажется, Мария хочет сделать мне выговор, но я не слушаю. Залпом хочу выпить бокал вина, чтобы снять волнение и раздражение от нравоучительного тона девушки, но мне нельзя. Очень важно сейчас не вступать в конфликт или дискуссию, я не должна ей перечить...

– Мария, не дави, – Мартин заступает за меня, споря с сестрой о том, что я не знаю всех нюансов, и в этом нет моей вины. Мария делает акцент, что это вина брата. От ссоры всех спасает Мемфис, обращая внимание всех на господина Фостера, который только что переступил порог трактира.

Девушка успокаивается как по волшебству, отмечая, как славно, что глава Общины не видел моего танца с Бенджи.

Так и хочется противным тоном поинтересоваться, а есть ли пара у самого господина Фостера и сколько ему лет?

Чувствую себя в западне, в ловушке. Мне не нравятся правила, которые приходится слушать, а еще немного, и у меня потребуют их соблюдать. Нужно прекратить все, пока не стало слишком поздно.

– Господин Фостер танцует? – задаю вопрос, не глядя на Марию. Не хочу снова натолкнуться на осуждающий взгляд. Однако ее резко мягкий голос поощряет мою идею.

– А вот это хорошая мысль. Он, как правило, девушкам не отказывает. И ты сможешь показать свою благодарность.

На энергии возмущения произошедшим инцидентом после танца с Беном, я смело, выпрямив спину, подхожу к главе Общины, который беседует со своим сыном. Вижу, что Грэм стоит неподалеку и с любопытством смотрит на меня. Если всех шокировал мой предыдущий шаг, то, разумеется, следят и за следующим. Из духа противоречия, хочется поразить их еще больше.

– Виктория, – господин Фостер приветствует меня раньше, чем я успеваю открыть рот, – очень рад тебя видеть. Ты прекрасно выглядишь, – выдерживаю его оценивающий взгляд с вежливой улыбкой и гордо поднятой головой, – познакомься, мой сын – Паскаль.

Парень улыбается и кивает мне, чуть склонив голову. У него некрупные черты лица, острые скулы и цепкие карие глаза. Улыбаюсь в ответ и хвалю его игру на скрипке, кото-

рую успела заставь в начале вечера.

– Гробит талант в своей кузне... – надменно произносит его отец, – но я уважаю его характер. Приверженность своим принципам и идеям – важные качества для будущего главы Общины... Как ты, моя дорогая? Осваиваешься? Повторюсь, рад видеть тебя на этом вечере. Скоро у нас собрание Выбора.

Меня настораживает и, скорее пугает, его манера речи – на каждый вопрос не требуется моего ответа. Мое мнение вообще не существует, ничего не значит для него. Я не согласна с таким положением дел...

– Я хотела поговорить с вами, тет-а-тет... – помня опыт с Бенджи, который выменял беседу на танец, сразу сама предлагаю присоединиться с танцующим. Не могу ждать какой-то аудиенции завтра днем, которую не ясно, как можно добиться. Раз мы столкнулись сейчас, у нас завязался разговор, нужно использовать этот шанс.

– Конечно, дорогая, – даже если он не планировал задерживаться, мужчина передает свою шубу сыну, оставаясь в кожаных брюках и черной рубашке. На вскидку, ему около пятидесяти лет, держится он в хорошей спортивной форме. Наверное, по-другому в лесу не выжить. Господин Фостер смотрит на меня внимательно и протягивает руку. Не смотря на улыбку, под его холодным взглядом хочется съежиться.

Сейчас выхожу танцевать не под шепоток местных жителей, а, кажется, в гробовой тишине – все разговоры прекра-

тились, слышна только музыка. А, может, мы вообще единственные, кто в этот момент танцует. Все следят за нашей парой.

– О чем ты хотела поговорить, моя дорогая? – его мягкий тон не согласуется с жесткими чертами лица и тем, как крепко сжимает мою руку, – если переживаешь о собрании Выбора, то не стоит: ты привлекла внимание всех мужчин в этом зале. Многие будут рады узнать тебя ближе. И я тоже.

Как и до того, он ведет беседу сам с собой, решив, что точно знает, что меня гложет. Хочется спросить, кем себя возомнил? Но ответ приходит сам собой: он – господин Фостер, он – глава Общины, ему здесь принадлежит все.

– Я хотела поговорить о том, когда смогу вернуться в Северный город? – на мгновение давление на мою руку становится сильнее, но только на секунду. Мужчина остается спокоен, не останавливает наш танец, и это придется мне смелости, хотя, сердце начинает стучать быстро-быстро, – я благодарна вам за свою спасенную жизнь, но мой дом не здесь.

Глядя на меня, мистер Фостер улыбается, облизнув губы, и опускает руку, продолжая держать меня. Доли секунды кажутся мне вечностью, у меня пульсирует в ушах от страха.

– Конечно, моя дорогая, – наконец произносит мужчина. На несколько секунд меня обнадеживает его улыбка, но чувствую тревогу на бессознательном уровне.

– Пойдем, – его тон резко меняется на жесткий, он тянет меня к выходу.

Люди в зале растеряны, некоторые прекращают танцевать. Последнее, что вижу, это встревоженные взгляды Марии, Мемфиса и Мартина.

– Община – не твой дом? – едва успеваю бежать за господином Фостером, который не собирается уменьшить шаг и подождать меня. Чувствую холод и боль в руке, которую он стиснул, сейчас я понимаю, в ярости.

Мужчина тащит меня к главным воротам в стене, не прекращая со злостью переиначивать мои слова про дом, повторяя их снова и снова.

– Господин Фостер, мне больно! – пытаюсь отцепить его руку, но ничего не выходит. Хватка у него стальная. Мужчина продолжает вести меня за собой, не слушая, и командует открыть ворота. Уже догадываюсь, что произойдет дальше, но не могу поверить до конца.

– Я сделаю, как ты хочешь, моя дорогая, – произносит, все также удерживая меня за руку. С силой толкает меня вперед на снег, за ворота. Поскальзываюсь в этих дурацких ботинках на шнуровке и самым нелепым образом падаю на колени. Внутри стен этого не чувствуется, но за пределами Общины холодный ветер пробирает до костей. Я еще в этом дурацком платье...

– Община спасла тебя. Ты жива, благодаря ей, – господин Фостер подходит ко мне и говорит, глядя сверху вниз, не сдерживая злости. Еще немного и, кажется, он меня пнет. Похоже, я нанесла ему страшную обиду своими словами. Не

могу ничего сказать сейчас, скованная холодом и страхом. Страхом даже не перед ночным лесом, Северными волками, а перед мужчиной, от которого сейчас зависела моя жизнь. У которого вызвал гнев мой вопрос о возвращении домой.

– Если тебе Община больше не нужна, ты тоже не нужна Общине!

Ветер свистит громко, но еще громче разносится его злой крик. Поднимаю голову и вижу его безумный взгляд в сторону леса. Невольно смотрю в туда же, стараясь не расплакаться, хотя это и сложно. И не только из-за ветра.

– Ты здесь не пленница. Ты свободна, – мужчина присаживается на корточки, чтобы быть со мной на одном уровне, и резко меняет тон на спокойный, дружелюбный. Жуткий.

"Хочешь – будь съеденной, хочешь – замерзни насмерть" – именно так мне сказал Бенджи...

– Мои люди не будут рисковать из-за той, которой не нужна Община. Не нужна ее любовь и поддержка. И держать тебя никто здесь не будет, – господин Фостер продолжает говорить ласково. Проводит пальцем по моему плечу, убирает волосы со спины. Все это вызывает мурашки на моем теле, и не только от холода.

– Иди. Прямо. Сейчас, – с каждым твердо сказанным словом, чувствую давление на каждый синяк на позвонке, по очереди.

– Я... – слеза все-таки скатывается по моей щеке, – не хочу...

– Умная девочка. Поднимайся, – крепко взяв меня за плечи, мужчина помогает мне встать. И теперь ведет обратно. Ворота закрываются без приказа, по одному знаку головы, стоит нам оказаться на территории Общины.

Оказывается, с этой стороны мы собрали целую толпу наблюдателей.

– Вернись в зал. Танцуй, – слушаю приказы, чувствуя, что у меня занемели руки, ноги и губы от холода, – и улыбайся. У тебя такая чудесная улыбка.

Вздрагиваю сильнее, когда чувствую поцелуй в макушку. Мне не верится, что он не приказал просто закрыть за мной ворота. Уже успела смириться, что умру сегодня ночью в лесу. В шоке смотрю на удаляющуюся фигуру господина Фостера, не понимая, чем в действительности заслужила такое обращение.

И одновременно осознавая ситуацию такой, какая она есть на самом деле.

– Боже, что ты ему сказала?! – Мария накидывает мне на плечи шубу и обнимает. Оказывается, она была среди тех, кто выбежал из трактира за нами, кто ждал развязки у ворот в стенах Общины. Никто не смел перечить господину Фостеру, никто за меня не заступился.

– В-вернемся. В зал, – только и хватает сил произнести мне, вытирая слезы с щек.

Некоторое время в зале продолжаю сидеть с шубой на плечах, у огня, пока не согреваюсь окончательно. Тру кисть, на

которой остались следы от цепкого захвата господина Фостера. Я не в настроении танцевать, но соглашаюсь на приглашение Мартина. Внимание партнеру не уделяю ни сколько, вся погруженная в свои мысли.

– Тебе не о чем волноваться, Виктория, – после танца с ее братом, Мария меня успокаивает, но выходит у нее слабо, – господин Фостер бывает не сдержан, но ты не должна его бояться. Завтра я поговорю с ним.

– Спасибо, Мария... – беру ее за руку и смотрю в глаза, – только чтобы это не навредило тебе.

Девушка тепло улыбается и уверяет меня, что все со всеми будет хорошо. Она попросит главу Общины быть со мной помягче, дать мне еще время привыкнуть к местным правилам – я получила сильную травму головы, я потеряла мужа всего несколько дней назад, мне двадцать семь, поэтому нет необходимости в какой-либо спешке.

Свет в зале, который который поддерживался свечами в канделябрах, постепенно становится тише. В темных углах целуются парочки.

– Южанка... – поднимаю взгляд на Грэма, который стоит со взглядом "Ну, я же говорил". Правда, в нем нет ни грамма самодовольства, скорее сочувствие.

– Хочешь танец? – спрашиваю я равнодушно.

Он единственный свободный человек в этой Общине.

Как же и я хочу быть свободной. Быть дома.

– Нет. Ты сегодня ни разу не хотела танцевать, – парень

становится позади меня, чтобы, наверное, вместе понаблюдать за последними танцующими, или за игрой Паскаля на скрипке.

– Испугалась? Я все видел, – он говорит тихо низким бархатным голосом. Успокаивающим. От теплоты, которая исходила от него, мне захотелось снова расплакаться. Чтобы сдержаться, закрываю глаза и сглатываю.

Большинство людей уже разошлись, свечи продолжали гаснуть. Паскаль играет в дуэте с женщиной на флейте.

– Я думала, останусь одна в лесу за стеной, – тихо отвечаю ему, – думала умру.

– Он бы не бросил тебя за стену просто так. Фостер не тратит человеческий ресурс напрасно... Ты спросила о том, когда попадешь в Северный город? Я правильно понял? – удивленно смотрю на Грэма, не понимая, откуда ему известен предмет разговора с главой Общины, – Значит правильно... просила отпустить тебя... наивная... это даже мило. Глупо – бесконечно, но мило.

– Я не знаю, что мне делать... – не могу сдержать отчаянный шепот. Была одна надежда, что господин Фостер отправит со мной знающих людей в Северный город. А сейчас я пленница в Общине.

– Я не буду ничего тебе советовать. Но ты должна знать, одну вещь, – на последней ноте, которую тянет Паскаль, Грэм наклоняется к моему уху и говорит:

– Когда Мемфис пришел к нам в Общину, с ногой у него

все было в порядке.